Сергей Ефремцев

Твоя Конституция

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга – продолжение диалога с детьми и родителями, начатого в предыдущих книгах серии «Новое расписание». Диалога с детьми «изрядного возраста» и родителями тоже изрядными, не забывшими вкус слова и помнящими гоголевскую птицу-тройку. Разговор пойдет о важном, возможно, самом важном сейчас: о человеке и человечности, моральных нормах, свободе и несвободе, нравственных законах и запретах. О насущном и до поры невостребованном – о Конституции души.

- Сергей Викторович Ефремцев
  -
  - Главное правило
  - Перекрестки
  - Буква закона
  - Глава первая, родительская
  - Взрослые игры
  - Изобретая велосипед
  - Мы не рабы
  - Правда предков
  - Государство – это Я
  - Что нам стоит Дом построить!.
  - «Новое время – новые песни»
  - Погоня за конституцией
  - Маленькое лирико-экономическое отступление
  - Дух закона
  - Конституция тела
  - Конституция души
  - Третий том
  - Рай в чемодане
  - Начало
  - Послесловие
  - Литература
  - Об авторе
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Сергей Викторович Ефремцев
Твоя Конституция

Издательство Игоря Розина

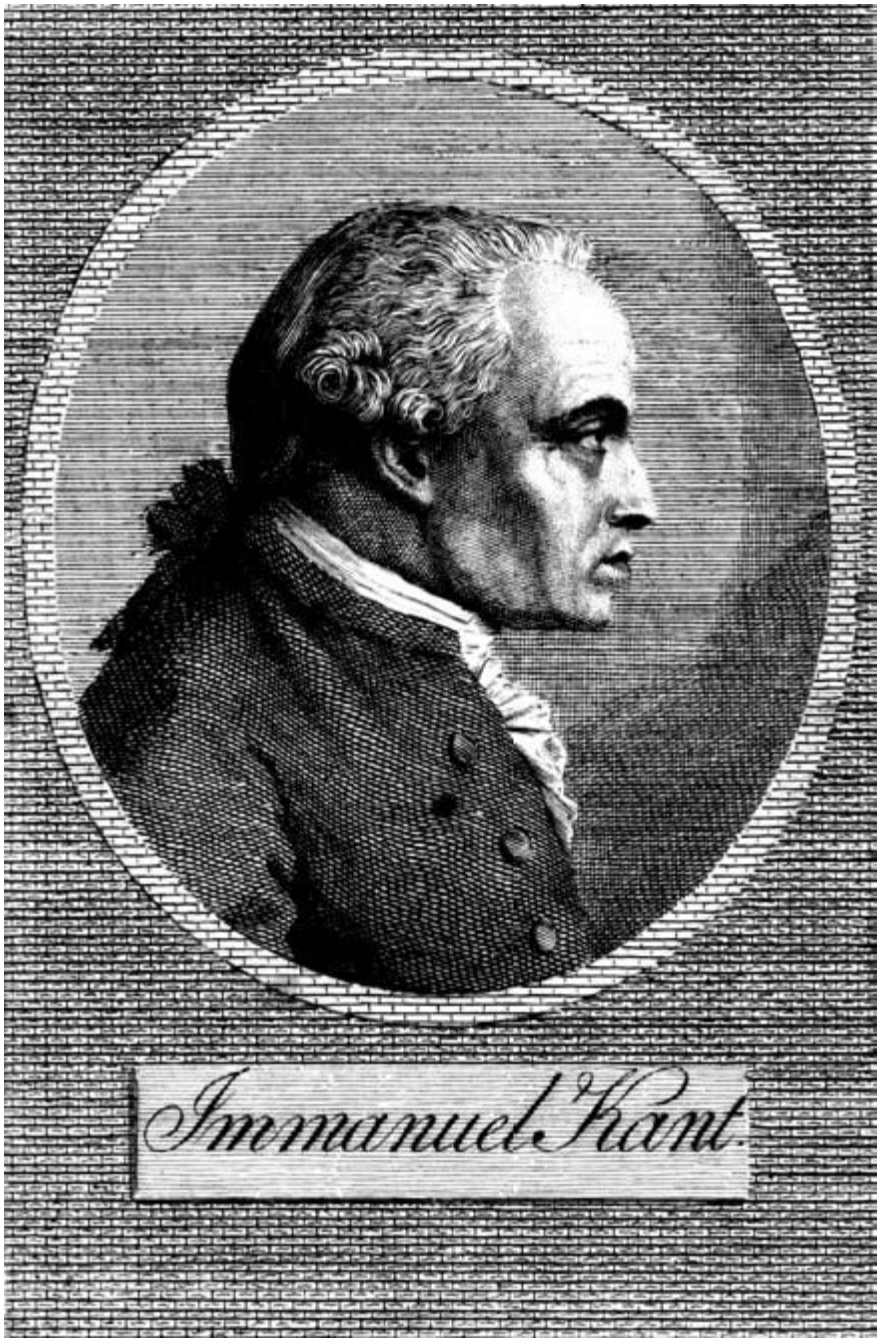
Идея проекта – А.Е. Попов
В рамках серии вышли следующие книги:
«МамаМатематика»
«ПапаФизика»,
«БабушкаСловесность»,
«ТётушкаГеография»,
«ПрадедушкаАркаим»,
«РоднаяСтарина. Очерки истории Южного Урала»,
«Кузи*н*аЖурналистика»

Найти эти книги в электронном виде можно на сайте Zenon74.ru

Готовятся к выходу:
«ЗанимательнаяПолитология»,
«Философия в лицах»

Царь Хаммурапи получает законы от солнечного бога Шамаша (Вавилон, рельеф верхней части столба Свода Законов)

Титульный лист сочинения Томаса Гоббса «Левиафан» (1651 год)



Иммануил Кант (1724–1804) – немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии

Главное правило

Две вещи наполняют душу всегда новым и всё более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне.

Иммануил Кант

Эта книга – продолжение диалога с детьми и родителями, начатого в предыдущих книгах серии «Новое расписание». Диалога с детьми «изрядного возраста» и родителями тоже изрядными, не забывшими вкус слова и помнящими гоголевскую птицу-тройку. Разговор пойдет о важном, возможно, самом важном сейчас: о человеке и человечности, моральных нормах, свободе и несвободе, нравственных законах и запретах. О насущном и до поры не востребованном – о Конституции души.

Наверное, нужно говорить о том, без чего нет ни Личности, ни Семьи, ни Народа, ни Государства. Нужно говорить о правовом нигилизме, о том, что «хочу» или «не хочу» далеко не главный закон. Мы все сейчас критикуем и ниспровергаем, навешиваем ярлыки и доказываем как дважды два, что имеем право на лень, трусость, нежелание учиться, работать, содержать семью, имеем право на «хату с края» и «небо в алмазах». А звездное небо – чудо, которое не нужно объяснять и глупо опровергать. Довольно. Мы, многие, уже опровергли моральный закон в себе.

Перекрестки

Рано или поздно – в наши дни позже, чем в прежние, – приходит пора отправляться в путь. Конечно, смутные представления о пресловутой жизненной дороге появлялись, что-то такое бубнили изредка в школе, мелькали искрами и свои мысли, но были они настолько наивны, что хвастовство отважного муравьишки из мультфильма хвастовством не казалось, и, напрочь лишенная объема, пространства и времени, дорога эта представлялась бесхитростно-плоской, как бабушкин пестренький половичок. Но половичок почему-то всё норовил выскользнуть из-под детского ботинка, и кокетливые бантики сбивались в узлы, которые не развязать было и зубами. И помнятся эти мокрые от конфетной слюны узлы. Помнятся до сих пор:

Что можно и чего нельзя?
Если нельзя при всех, то, когда один, – можно?
А если все так же, как я, – значит, все врут?
Если есть правила, их нужно соблюдать.
Почему соблюдают не все?
Почему в правилах есть исключения?
Может быть, я тоже – исключение и мне можно?

Вот с этими-то узлами подходим к первому перекрестку:

Группа детского садика на прогулке. Мальчишка достает из кармана оловянных солдатиков и, озираясь по сторонам, прячет в снег. Солдатики красивые, спору нет, но ведь они чужие…

Взять – взял, но домой не унес, а это главное. Прошел перекресток самоограничения, зацепился, но прошел.

Казалось бы, так просто понять, что´ можно и чего нельзя, так просто достичь «освобождения от мучащего и развращающего людей зла … тем, что каждый … будет поступать так или иначе … только ради исполнения для себя, для своей жизни, признаваемого им высшим, закона жизни, закона любви…»[1] Нужно одно маленькое усилие. Всего одно. А без него дорога станет наклонной плоскостью…

Еще одно испытание для ботиночек с бантиками – искушение насилием.

Чёрт возьми, как приятно было тебе, читатель, добиться от поверженного врага униженной просьбы о прощении, когда он, жалкий и заплаканный, взывая к

твоему милосердию, молил о пощаде и каялся во всех чужих грехах! Как приятно было, толкуя о всеобщей справедливости и защите слабых и угнетенных, устанавливать закон по праву сильного! Единственно верный закон! И пусть действовал он только в песочнице с утра и до обеда или на качелях, когда не было рядом кого постарше, но до чего же это было приятно…

И в эти редкие минуты торжества и упоения собственным величием готов был ты повторять, пусть бездумно, слова великого старца:

«То, что нам нужно, что нужно народу, то, чего требует наш век для того, чтобы найти выход из той грязи эгоизма, сомнения и отрицания, в которые он погружен, – это вера, в которой наши души могли бы перестать блуждать в отыскивании личных целей, могли бы все идти вместе, признавая одно происхождение, один закон, одну цель».[2]

Давным-давно песочницы и качели закатаны в зимний асфальт, а ты и твой детский враг – приятели, но почему-то слова эти на разные лады и разные, уже взрослые голоса всё повторяют и повторяют, перевирая вновь и вновь, безбожно фальшивя и пуская петуха.

А между тем «все внешние изменения форм жизни, не имеющие в основе своей изменения сознания, не только не улучшают сознания людей, но большей частью ухудшают его. Не правительственные указы уничтожали избиение детей, пытки, рабство, а изменение сознания людей вызвало необходимость этих указов. И только в той мере совершилось улучшение жизни, в которой оно было основано на изменении сознания, то есть той мере, в какой в сознании людей закон насилия заменился законом любви».

Ах, как скаредно мало растрачиваешь себя, взрослея, как редко – приступами – побеждает благородство и великодушие, зато помнятся эти редкие случаи и хранятся в памяти, как похвальный лист в рамочке с поблекшей каемочкой, давно известный всем твоим гостям…

Что там ниже, по наклонной, за бабушкиным половичком? Цинизм и лицемерие?

Что ж, этому искусству обучаются быстро и с успехом. Кто не умеет «принимать на себя личину, быть двуличным … действовать притворно, обманывать внешностью, прикидываться смиренным, ханжить, льстить из выгоды»? Умели во времена Даля, умеют и сейчас.

И часто слова великого человека становятся дубинкой в руках зарвавшегося великосветского холуя, а еще чаще – ходим же мы по улицам! – слышится и не человеческое даже – мерзкое, грязное и ставшее таким привычным. И если что-то не так, то есть не «по понятиям», то «претерпишь от руки ближнего своего» в полной мере и степени.

Лев Николаевич Толстой (1828–1910), великий русский писатель

> «Люди так привыкли к поддержанию внешнего порядка жизни насилием, что жизнь без насилия представляется им невозможною. А между тем если люди насилием учреждают справедливую (по внешности) жизнь, то те люди, которые учреждают такую жизнь, должны знать, в чем справедливость, и быть сами справедливы. Если же одни люди могут знать, в чем справедливость, и могут быть справедливыми, то почему же всем людям не знать этого и не быть справедливыми?»

На этот вопрос Льва Толстого ответить очень сложно. Может быть, так: все люди не могут быть справедливыми, потому что на одном из перекрестков свернули не в ту сторону. Поворачивать надо направо. Всегда. Соблюдая букву закона.

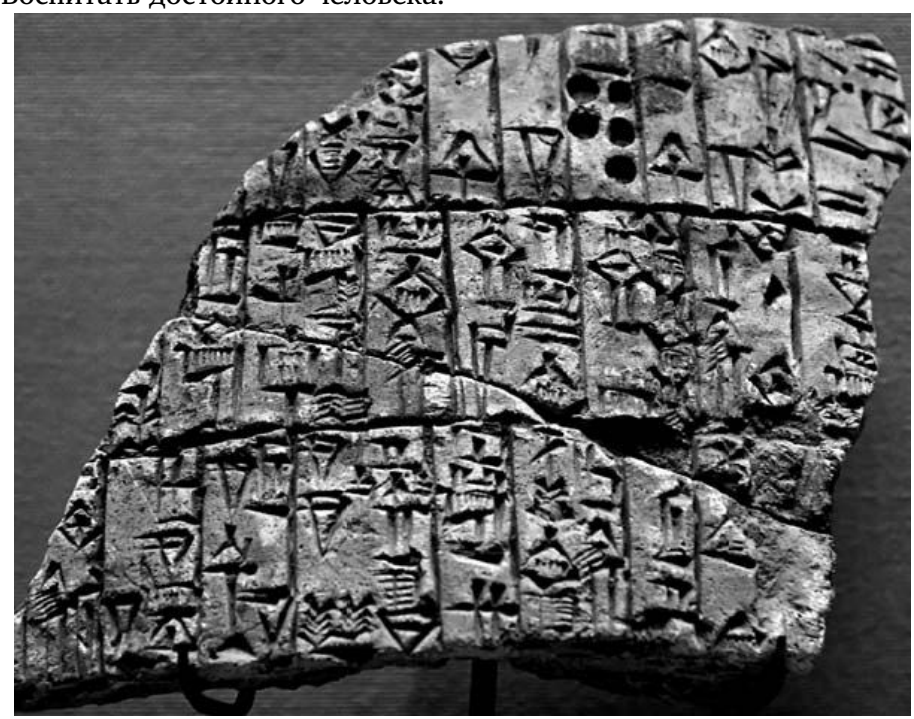
Буква закона

От веку, от пращуров повелось – всегда первую букву в книге украшать, что угловатый готический ордер, что славянскую вязь. Знак это был – поклон низкий за возможность прикоснуться к тайне Слова. И название дали особое, любовное, – буквица.

Первая буква – самая важная, и хорошо, если она гласная. Обычно согласные все. Так и начинали от века: «Мы…» А дальше подставляли всё, что было нужно на «данный, текущий, исторический, определяющий, переломный момент»: «Николай Второй» или «н-ский народ».

Нет, нужно самый главный закон – Конституцию – начинать с вопросов на гласную, или гласных вопросов. Например, таких: «Ограничивать нужно себя или других?», «Я готов соблюдать Закон?» Если нет – закрой книгу – не твоя она, не дорос. И не требуй соблюдения своих прав и правил, пока не уразумеешь, что такое «Я». Для этого, к сожалению, много времени может понадобиться. У некоторых целая жизнь уходит – добру в одночасье не научишься, только дурное дело – нехитрое.

Может, каждому пареньку на четырнадцатилетие вместе с паспортом (или вместо оного?) текст Конституции выдавать? И родителям тоже – им теперь большая работа предстоит. Воспитать достойного человека.



Фрагмент глиняной таблички, содержащей свод законов древней Шумерской цивилизации

Глава первая, родительская

Не доводилось ли тебе, любезный читатель, вспоминая милое детство свое, окунаться в розовые облака, подобные тем, что висят в горячий июльский полдень над горизонтом; такие облака, которых ныне, как ни старайся, ни щурься и ни морщи нос, не увидишь, даже и думать нечего, – на небе сплошь тучи да хмарь, похожая на холодец, оставшийся после затянувшихся новогодних праздников; такие облака, одно воспоминание о которых горячит кровь, и щеки вдруг засидятся снегирями на старых ветвях твоих?

Милое, милое детство! Маменька стоит на крыльце или на балконе, ласточкиным гнездом прилепившемся к серенькой стене дома в три этажа, таких же знакомых, родных и близких, как матушкино лицо и та особая, искрящаяся радостным, пусть не всегда оправданным, превосходством над соседками улыбка, торжественно объявляющая всему белому свету, всему двору с тремя тополями и кустом всё еще пышной сирени о твоей – дорогого ее дитятки – очередной победе. «Как, – вы не знаете, что мой сыночек изобрел, написал, сыграл, обыграл, сказал, удивил, поразил, потряс, привел в замешательство, совершеннейшее изумление своих одноклассников, учителей, завуча, директора, заврono, тренера сборной, министра образования; вы не знаете, что всё это – тут поведет плавно рукой кругом – принадлежит ему одному, что всё-всё он постиг, всё знает и всё умеет и может тоже всё, а вчера звонили из Самого Большого Дома и просили у него совета?»

Может статься, все матушки таковы и так же щедро делятся они своими страхами перед богом и чертом, бабой-ягой в ступе казенного дома, дальней дорогой, городом-Содомом и небесной механикой? Нет-нет да и вспомнишь матушкины наставления, предостережения о «плохой компании», «дурных людях, что все до единого себе на уме», сглазах, оговорах, коварных и наглых девчонках, которых «у тебя еще будет миллион», грязных носках, футболках, ушах, руках, ногах, о громе, молнии, темноте, угревой сыпи, потнице, лишаях и чириях. Вспомнишь и улыбнешься сам себе в горчичном тумане глаз.

Здесь, в этом благословенном краю тополиного пуха, что клубится по углам, поднимается к родительской кроне и опускается вновь, чтобы вспыхнуть от случайной спички или быть разметанным кожаным мячом, хулиганским, как шлем Чкалова, собирались первыми по-настоящему теплыми днями именинные команды отважных бойцов-командиров. Здесь проходили вселенские соборы двух, трех, а однажды – вспоминаешь,

читатель? – пяти великих дворов-царств.

О, чего только не случалось под широколистыми кустами! Были, были времена, когда ковались здесь гладиаторские мечи, былинные доспехи, щиты разукрашивались орлами, львами и иными дивными зверями и сирень чудесным образом превращалась в могучие дубы и вязы; когда рассыпались по кустам вольные стрелки и посылали одну за другой певучие стрелы – авось найдут потом младшие дружиннички. Ссорились, сходились стенка на стенку, дрались, сбивали в кровь коленки и локотки, лелеяли синяки и шишки; потеряв счет царапинам, ссадинам и ушибам, подписывали важные соглашения, и высокие договаривающиеся стороны, попыхивая трубками мира, устанавливали справедливые правила игры для всей однодворной вольницы:

– Орла и решку чтоб не перебрасывать!..
– Стрелы чтоб одинаковой длины!..
– Вратарь – игрок!..
– У ворот чтоб не «рыбачить»!..
– За одним не гонка!..
– На подаче пятки от земли не отрывать!..

Птица – символ души – на византийской мозаике VI века. Херсонес

Игры были разные – в индейцев, в войну, в рыцарей, «слон», «котел», футбол, хоккей… И правила были разные, хотя… сходились всегда в одном: чтоб по-честному.

А в сфере «международных» отношений правила другие, солидные, с хрипотцой и поминутным сплевыванием сквозь зубы:

– Если «чужак» провожает «нашу» до подъезда, то не бьем. Только когда обратно один пойдет…

– Драться можно до первого «не хочу» или до первой крови…

– Всем «нашим» в Городе помогать…

– Старшаки чтоб маленьких не обижали, а те чтоб слушались…

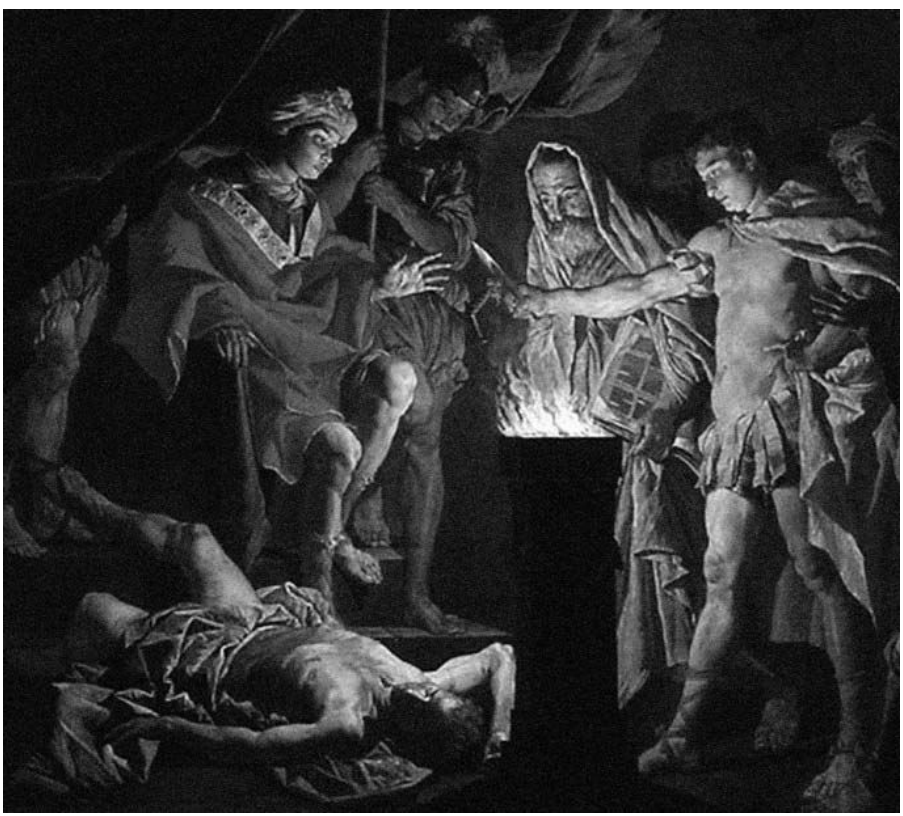
– «Своих» не бросаем…

– Друзья «наших» – наши друзья.

Хорошо, если был во дворе свой трибун, свой правозащитник и карающий меч в одном лице, этакий Муций Сцевола[3] с этакими, знаете ли, ручищами, глазищами навыкат и рыжим,

нет! – русым залихватским вихром, вступающим прямо-таки в антагонистические отношения со всяким головным убором, будь то отцовская фуражка или шапка-ушанка, каким-то чудом удерживаемая макушкой. Что-то против ему сказать? – не поспоришь, – такой блеск в глазах, такие искры, что ой-ой! – и шаришь на правом боку, стараясь половчее выхватить из ножен саблю – отсалютовать так, как не учили и в Кадетском корпусе.

Бывало, что иная собачонка и тявкнет несогласно, привстанет на задние лапки, трусливо поглядывая на кружевные занавески родительского окна. А потом глядишь – завиляла хвостиком-растопыркой, прижала ушки, и вот уже расплылся в улыбке мордаш, пухом растекся, присмирел и заискрился на солнышке подшерсток. Мелькнет отцовская тень за тюлевой занавеской, да исчезнет: сами разберутся.



Гай Муций Сцевола. С картины Матиаса Стома, XVII век

И ведь разбирались: по-честному, к обоюдному и часто всеобщему согласию, так что дыхание вдруг пресекалось на самой высокой ноте счастья и любил ты в этот миг всех до единого, даже зловредного Ваську из

углового подъезда.

И как тут не пройтись гоголем по родному двору да не махнуть рукой: «Эх!..»

Давным-давно сгорел тополиный пух детства, и хоть летит он в мае-июне по-прежнему и по-прежнему забивает носы всем встречным-поперечным, но то ли пух уже не тот, то ли чихают уже по-другому, – правила меняются всё чаще и чаще, да и игры уже не те – взрослые.

Взрослые игры

С незапамятных времен разные народы, пытаясь обустроить свою тяжелую жизнь, обращались к богам и сильным мира сего – племенным вождям. Нужна была защита от стихии природы, диких зверей, свирепых дикарей-соседей, нужно было выстраивать отношения внутри рода и семьи, нужно было понять, что хорошо, что – плохо, что Добро, а что – Зло.

Представления о Добре и Зле разнились: для одних убийство соседа и грабеж – доблесть, для других – преступление. Гениальный немецкий философ Иммануил Кант объяснял это так:

> «Человек стремится к согласию; но природа лучше знает, в чем нуждается его род и что для него необходимо. Она хочет раздора. Он хочет уюта и удовольствия. Природа же, напротив, хочет того, чтобы он оставил небрежное и бездеятельное существование и предался бы напряженному, тяжкому труду для того, чтобы найти средства при помощи разума преодолеть эту ступень».

Вот до сих пор и преодолевает, стоя на одной ноге и занеся другую. Постоит-постоит в нерешительности – затечет нога, занемеет – опустит.

Первобытному равенству были чужды зло и порок, цивилизация принесла с собой не только блага, но и испорченность нравов и всякого рода бедствия. Цель общественного развития, по Канту, – идеальное правовое государство, невозможное без нравственного закона, а право – известный минимум нравственности, система конкретных указаний, как человек должен поступать в том или ином случае. Первая и по сути последняя, лучшая система ценностных координат – запретов – это известные Заповеди.

> «Христос не основал никакой церкви, не устанавливал никакого государства, не дал никакого правительства, ни внешнего авторитета, но он старался написать закон бога в сердцах людей с тем, чтобы сделать их самоуправляющимися».[4]

Люди искали Бога, а нашли Конституцию.

Право предоставляет человеку формальную свободу действия и одновременно ограничивает сферу его свободы в интересах свободы всех.

В интересах свободы всех… Во дворе твоего детства иногда, пусть не всегда бескровно, это, кажется, удавалось? Но разговор уже не о мальчишеской правде, «прирожденном праве всякого разумного существа», а о праве приобретенном, полученном в результате общения с другими людьми; оно состоит в праве частной собственности.

> О, сколько раз кидался ты с кулаками на обидчика, посмевшего без спроса сесть на твой велосипед, взять новенький, так приятно поскрипывающий – только вчера из магазина! – мяч, сколько было пролито слез, когда не находил ты в потайном месте «секретика» под бутылочным стеклышком, мотка чудесной медной проволоки, латунной длиннейшей трубки или приготовленной с вечера удочки – кто-то (узнать бы, кто!) украл, умыкнул, унес, стащил, стянул, стырил, слямзил, сбондил, свистнул – посягнул на святыню, в общем. Именно тогда, как заклинание, шептал ты, всхлипывая и размазывая самые едкие и горькие слезы – слезы обиды: «око за око», «смерть за смерть», цитируя древнее jus talions[5]. Именно тогда, сам не понимая и не догадываясь даже, задумался ты в первый раз о правовом государстве, при котором «каждый уверен в охране своей собственности против всяких насилий».

Государство – опять-таки исторически так сложилось – образуется путем перехода людей из естественного состояния в состояние гражданское. Для защиты прав и в особенности права частной собственности оно образуется: нужно же князю, маркграфу, королю, хану, эмиру, халифу, шаху, царю закрепить за собою землю, леса, воды, пастбища; нужно объяснить подданным, что они – подданные, что это всерьез и надолго, возможно, навсегда; нужно снабдить их выгодными (прежде всего для правителя) законами.

Государство – политический и административный аппарат,

исторически созидаемый обществом. Определить, что такое «страна», сложнее, потому что страна представляет собой территориальную и социальную общность, не только исторически складывающуюся, но и исторически признаваемую всеми. Должно пройти время, чтобы сами жители страны и соседи воспринимали ее в этом качестве, то есть привыкли к тому, что такая страна существует. «Страна» во многом историко-географическое, нежели политическое понятие (об этом можно прочитать в книге «ТетушкаГеография», выходившей в этой же серии чуть раньше).

Территории страны и государства могут не совпадать. Например, Германия как страна в XVIII – первой половине XIX вв. ни у кого не вызывала сомнения, а на этой территории существовали десятки германских государств. Англия воспринималась в то время не только как государство, но и как страна (Уэльс и Шотландию можно рассматривать в качестве областей страны). Одно государство может состоять из нескольких стран, а одна страна – из нескольких государств.

Не редки в истории личные унии, когда две страны объединялись особой одного монарха. Так, в личной унии до середины XVI века были Польша и Литва, до начала XX века – Швеция и Норвегия. Норвежцы добивались полного суверенитета, то есть восстановления норвежской династии, что, в конце концов, и произошло. В гораздо более позднее время в единое государство вошли Сирия и Египет, правда, ненадолго, и объединение это носило военно-политический характер.

Как исторически менялась ситуация в нашей стране?

Домонгольская Русь была конфедерацией княжеств, а не единым государством (государством в то время было каждое княжество). Но это была страна, и как страну ее воспринимали соседи. К концу XV века в результате укрупнения территорий Россия состояла уже из двух государств – Великого княжества Владимирского и Московского и Великого княжества Литовского и Русского, и это понимало всё население. Социально-политическая психология изменилась, и создание единой России стало общенародной задачей.

В ходе революции Россия подверглась расчленению и одно время принадлежала нескольким государствам. Все они были не историческими и странами не являлись. Советский Союз – не страна, а государство, существовавшее на территории исторической России.

Искусственно образованное государство может стать страной, но для этого обычно требуются многие десятилетия, а чаще – века. Существует, например, государство Украина, с которым государство Российская Федерация вправе заключать договоры и

устанавливать дипломатические отношения, но нет такой страны (Украина), так как само ее название, вероятно, означает «Окраина России».

«Государство» и «страна» часто, но не всегда совпадают территориально: одно государство может объединять территории нескольких стран, а одна страна – делиться на территории нескольких государств.

Политическая ситуация от века к веку меняется. Понадобилось очень и очень много времени, чтобы появилась мысль о разделении не только земли, но и власти – на законодательную, исполнительную и судебную. Общество должно было до этого дорасти, как мальчишка с рогаткой – до аттестата зрелости. Некоторым народам и государствам это удавалось, некоторым – нет. Так, в соседнем Китае на протяжении пяти тысяч лет удавалось накапливать и сохранять лучшее, передавать потомкам буквально с молоком матери национальные представления о Человеке и Доме, Семье и Народе, Государстве и Законе. Давным-давно выстроили они свой Дом, свою Поднебесную. Великие империи рушились, великие армии пропадали в песках времен, великие армады уходили на дно, а Китай, как бы ни было трудно, стоял. Может быть, потому что во все времена играл по одним правилам?

Нас много тысяч, мы – единое сердце.
Стальною стеной защитим мы Китай.
Мы полны презрения к смерти…

Слова национального гимна говорят о многом.

Наша государственность впятеро моложе – двенадцатилетнего мальчишку, с любопытством посматривающего по сторонам, вряд ли заинтересует пожилой человек лет шестидесяти, если, конечно, не подарит велосипед.

Держава (символ государственной власти) царя Алексея Михайловича

Изобретая велосипед

Вспомни свои велосипедные прогулки, читатель, когда ты летишь и всё летит: дома, сады, кривоногие пешеходы, праворульные кибитки; летят деревья, кусты акаций и сирени; прицепится вдруг нахальная собачонка да отпадет, покатится шариком по спуску за тобой вслед – куда там – ты уж за дальним поворотом.

Казалось бы, нехитрый дорожный снаряд – велосипед, – а поди ж ты! – не у Семеныча в колясочной мастерской на соседней улице склепан – с Формозы, сиречь Тайваня, доставлен, а то и немцем снаряжен-излажен. Какие на двухколесном чуде штучки! – всё, что только можешь вообразить, и какие в голове не укладываются, тоже есть: цепочки, пружинки, шестеренки в четыре ряда, стеклышки блестящие, матовые и зеркальные, и такие с выворотом, и этакие без выворота, и медные с гаечками, и стальные без гаечек. Эх, не умеют ярославцы да нижегородцы в наших палестинах так колесницу снарядить, чтоб человек человеком себя почувствовал!

То ли дело! Садишься удобно, штучки разные крутишь – под себя настраиваешь и едешь без устали. А как же! – на то и механизмы от Shimano, чтоб силу не расходовать.

Да, много есть сейчас удобных механизмов и аппаратов, облегчают они жизнь. Как велосипед, например: переключил передачу, крутишь педали быстро-быстро, без усилия.

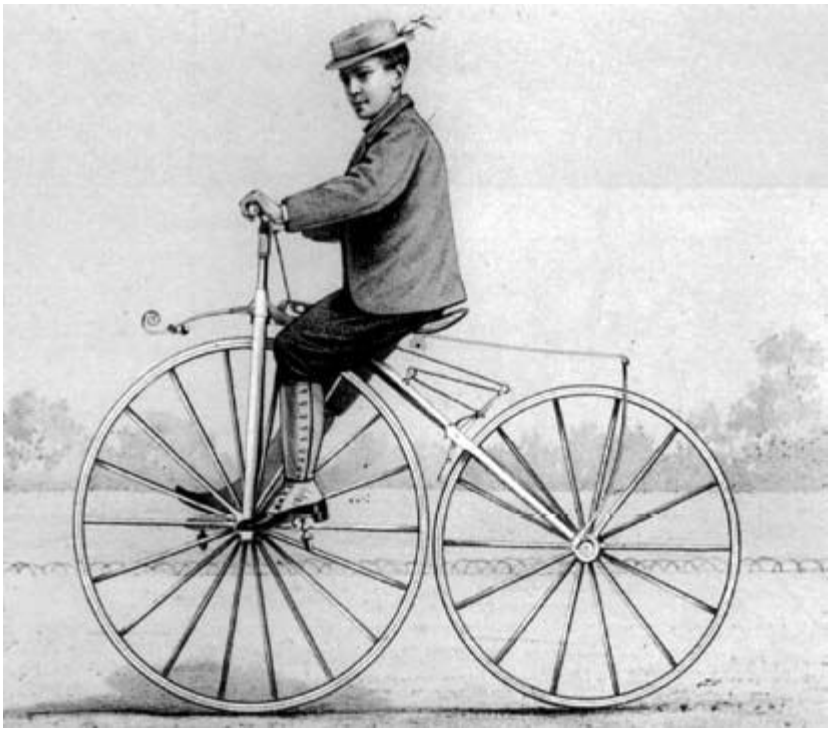
Только вот горку придется обогнуть-объехать. Лень на педали налечь.

И с законами то же: хорошие и нужные, правильные и справедливые станут такими, если к ним усилие приложить, впустить-пригласить в душу свою. Без этого только количество увеличивается – что передач да звездочек на заднем колесе, что законов и постановлений по телевизору.

– На твоем велике есть задняя амортизация? А передняя?
– Конечно, есть.
– А передач сколько?
– Двадцать девять.
– Да-а, неплохо.

Изобретаем и изобретаем, придумываем и придумываем, а всё велосипед получается…

Появятся три десятка новых каналов на TV, появятся новые приспособления, облегчающие жизнь, появятся и новые законы, обслуживающие эти «облегчения». По́лно, так и до закабаления недалеко. Механизмами.



Велосипед Мишо

Мы не рабы

В рабовладельческую эпоху – в 1792–1750 гг. до нашей эры – появился в Вавилоне свод законов царя Хаммурапи. Он провозгласил, что боги передали ему царство, «чтобы сильный не притеснял слабого». Все цари древности так или иначе повторяли эту формулу, пытались, как и Хаммурапи, закрепить общественный строй государства, господствующей силой в котором должны были стать мелкие и средние рабовладельцы. Власть держалась на силе, по праву сильного всё и вершилось. Во времена правления Хаммурапи частная собственность достигла полного развития. В Вавилоне существовали различные виды земельной собственности: были земли царские, храмовые, общинные, частные. И царским, и храмовым хозяйством управлял царь, это был важнейший источник дохода. Царская земля раздавалась в пользование издольщикам[6]. Развитие частной собственности на землю вело к сокращению общинных земель, упадку общины. Земли свободно могли продаваться, сдаваться в аренду, передаваться по наследству. Особый правовой режим существовал в отношении имущества воинов, которые, в свою очередь, обеспечивали защиту собственности царя.

Руины Вавилона в наши дни. В центре – реконструированный участок на месте холма Каср

Законодательство, определяющее отношения между хозяином земли и арендатором, способствовало развитию хозяйства. Уже тогда существовали различные виды имущественного найма: помещения, домашних животных, кораблей, повозок, рабов. Законы устанавливали не только плату за наем вещей, но и ответственность в случае потери или гибели нанятого имущества. Широко был распространен договор личного найма: можно было нанять крестьянина, врача, ветеринара, строителей. Законы определяли порядок оплаты труда этих людей, а также ответственность за результаты труда (например, кормщика в случае порчи товара на судне или врача в случае смерти больного). В условиях частной собственности большое развитие получил договор купли-продажи. Продажа наиболее ценного имущества (земли, построек, рабов, скота) осуществлялась в письменной форме (на глиняных табличках) при свидетелях. Продавцом мог быть только собственник. Ответственность нес тот, кто причинит смерть рабу (хозяину следовало отдать раба за раба).

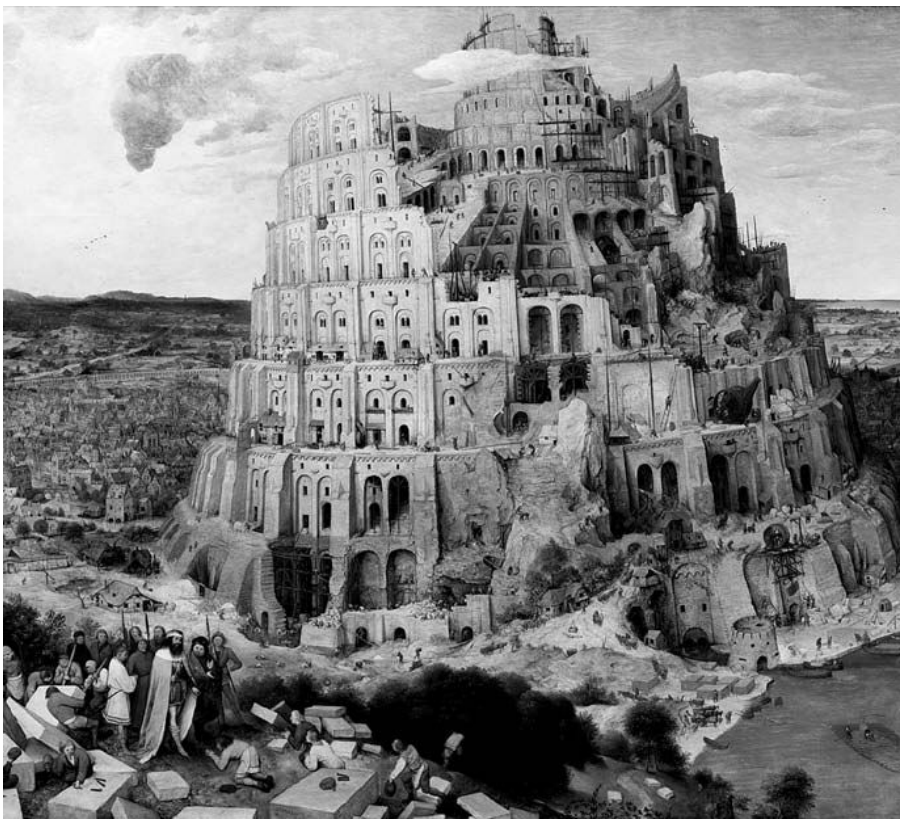
Брак был действительным только при наличии письменного договора, заключенного между будущим мужем и отцом невесты. Семейные отношения строились на главенстве мужа. Жена за неверность подвергалась суровому наказанию, но замужняя женщина могла иметь свое имущество, сохраняла право на приданое, имела возможность развода, могла наследовать после мужа вместе с детьми. Отец мог продать детей как заложников за долги, а за злословие на родителей – отрезать язык. Тем не менее закон ограничивал эту власть.

Были названы три вида преступлений: против личности, имущественные и против семьи. Виновного постигала та же участь, что и потерпевшего, да-да – «око за око»…

> И как тут опять не вспомнить детство, читатель?!
>
> Когда приятель, может, вовсе не имея преступных намерений, из шалости отрывал пуговицу на твоем пальтишке, не до´лжно ли было немедленно осуществиться возмездию, чтобы пуговица обидчика, зажатая в твоем праведном кулаке, сию минуту превратилась в лавровый листик, которым победителю можно приправить и материнский супчик, а потом, облизывая ложку, с чувством неизъяснимого восторга вспоминать вырванную с мясом дырчатую оливку? Когда в пылу борьбы пихнул тебя клюшкой всё тот же оставшийся без пуговицы, а теперь и без шайбы

приятель, не пихал ли и ты его в ответ, норовя попасть в самое больное место, чтобы неповадно ему, сопатому, было?..

Основными видами наказаний в Вавилоне были смертная казнь через сожжение, утопление. Могли посадить на кол, отрубить руки, отрезать пальцы, язык – прелесть что такое! – воскликнул бы сочинитель «Молота Ведьм»[7] в гораздо более позднее время.



Вавилонская башня. С картины Питера Брейгеля Старшего

А еще устанавливались штрафы, преступника можно было изгнать. Процесс был одинаков как по уголовным, так и по гражданским делам. Дело начиналось с заявления потерпевшей стороны. В качестве доказательств использовались свидетельские показания, клятвы, ордалии[8] (испытание водой, например). Нормы процессуального права требовали от судей лично «исследовать дело». Судья не мог изменить свое решение. Если он это делал, то платил штраф в двенадцатикратном размере от суммы иска и лишался своего места без права судить когда-либо.

А судьи кто? – За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима… [9]

Встречались ли тебе, читатель, такие судьи, которые никогда ни за какие коврижки с припеком не изменяли свои решения? Или сдобная пышная булочка с восхитительным изюмом, щедро посыпанная маком, густо политая сгущенкой уводила их с пути добродетели в подворотню, где и поедалась она со слезами восторга и такими слюнками, что самому, бывало, смерть как хотелось попробовать кусочек? Какой-нибудь дворовой авторитетный пацан не поддавался ли искушению и не шел ли против истины, уловив пунцовым своим оттопыренным ухом сладкие угодливые пришепетывания-обещания? Не вспоминал ли ты, досадливо морщась, пословицы, доставшиеся от многочисленной твоей родни: от дедушки Павла из Рязани, дедушки Петра из Костромы, тетушки Варвары из, допустим, Вологды: «Торгуй правдою, больше барыша будет», «За правду плати, и за неправду плати», «У всякого Павла своя правда», «За правду не судись: скинь шапку да поклонись», «Царю правда лучший слуга», «Правда к Петру и Павлу ушла, кривда по земле пошла», «Варвара мне тетка, а правда сестра»? И не сожалел ли о том, что нет у тебя сестренки, стало быть, некому тебе модные брюки-клеш сшить (у тебя заклепки на них полгода как лежат – выменял) да на рубашку лейбл (самый что ни на есть хипповый) нашить?

Как мучительно, как долго шел ты к постижению истин, о которых ни слова не написано в учебниках, истин природных, наглядность которых опровергали сонмы мудрецов, тех истин, с которыми сталкивался ты в каждом дворе, на каждой мощеной и немощеной улице, на каждом углу круглой, как ее ни крути, Земли.

Как тяжела была мысль о тотальной, чудовищной несправедливости по отношению к тебе, к твоим надеждам, стремлениям и упованиям и как угнетала, прибивая градом злой реальности в пыль обращенную мечту, мысль об отсутствии за пределами то ли трех, то ли шести твоих лет цельности, всеобщего братства и честности!

> «Правда – истина во благе, справедливость, неподкупность, законность, безгрешность, полное согласие слова и дела».[10]

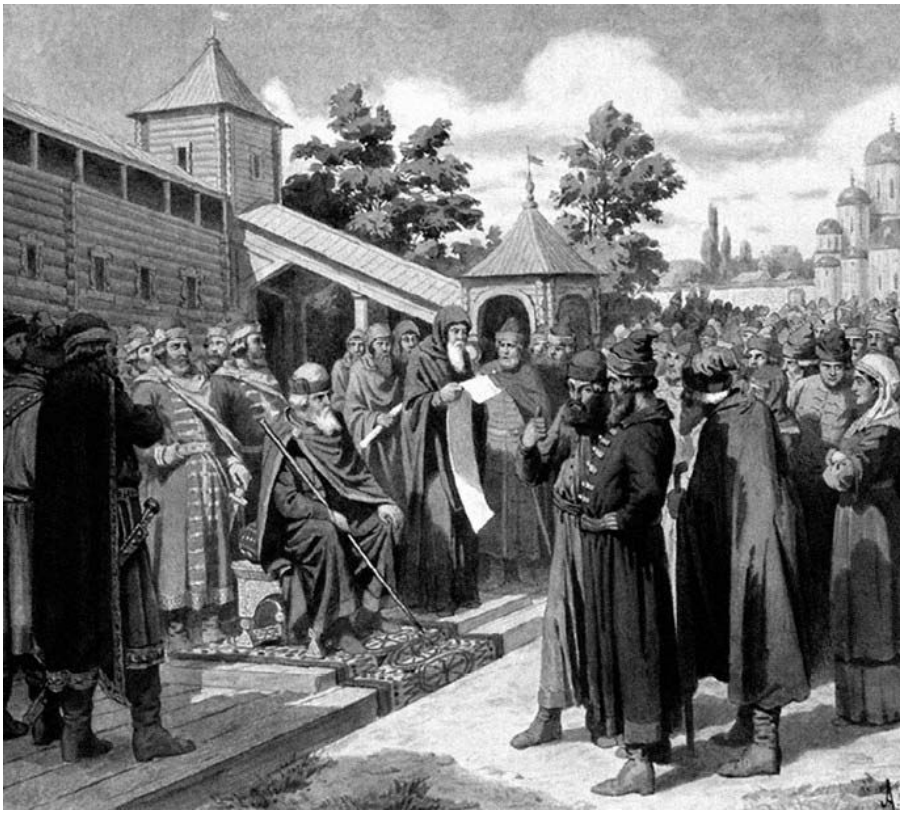
Искали и ищут правду все, всегда и везде. Хотелось, ох как хотелось найти одну на всех, на все времена. И вроде бы находили… как находят щепки зацепки-ориентиры в мартовском кипучем ручье. Находили и успокаивались. До следующей разнузданной струи.

Много их, правд, то есть сборников законов и уставов в разное время и у разных народов было. Были многочисленные германские, была и «Русская Правда».

Правда предков

Первый дошедший до нас письменный памятник права – «Русская Правда» Ярослава Мудрого (XI век). Это был судебник, гражданский и уголовный кодекс того времени. Он не предполагался в качестве неизменяемого и дважды дополнялся – сначала Ярославичами, сыновьями и преемниками Ярослава, а потом, в 1113 году, князем Владимиром Мономахом. «Русская правда» представляла собой запись славянского обычного права, основанного на обычае, и не испытала влияния римского и византийского права (об этом писал известнейший историк XIX века В.О. Ключевский).

> «Доносчику – первый кнут!» – может, и не слышал ты этого в детстве от умудренных долгими трудными годами стариков (тогда мы смотрели снизу, и все казались стариками), но почему-то презирал ябед и стукачей и устраивал с друзьями им «темную», колотя по чём и чем попало, и не было в мире такой силы и такого слова увещевания, что смогли бы остановить тебя, заставить опустить смиренно глаза долу, посыпать неразумную голову пеплом и устыдиться содеянного. «Не в силе Бог, но в правде», – добавляли старики, и ты, чувствуя полновесность юбилейного неразменного рубля, соглашался, как будто твои это слова, и не из внутреннего кармана, а из сердца твоего вынутые.



«Чтение народу Русской Правды в присутствии великого князя Ярослава». С картины Алексея Кившенко

Вот некоторые законы-уставы «Русской Правды», применявшиеся при рассмотрении уголовных преступлений:

1. Убьет муж мужа, то мстит брат за брата, или сын за отца, или сын брата, или сын сестры; если не будет никто мстить, то 40 гривен [11] за убитого.

2. Если кто будет избит до крови или до синяков, то ему не надо искать свидетеля, если же не будет на нем никаких следов (побоев), то пусть приведет свидетеля, а если он не может (привести свидетеля), то делу конец. Если (потерпевший) не может отомстить за себя, то пусть возьмет с виновного за обиду 3 гривны, и плату лекарю.

3. Если кто кого-либо ударит палкой, жердью, ладонью, чашей, рогом или тылом оружия, платить 12 гривен. Если потерпевший не настигнет того (обидчика), то платить, и этим дело кончается.

4. Если ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то 12 гривен за обиду.

5. Если же ударит по руке, и отпадет рука, или отсохнет, то 40 гривен, а если (ударит по ноге), а нога останется цела, но начнет хромать, то мстят дети (потерпевшего).

6. Если кто отсечет какой-либо палец, то платит 3 гривны за обиду.

7. А за усы 12 гривен, за бороду 12 гривен.

8. Если кто вынет меч, а не ударит, то тот платит гривну.

9. Если пихнет муж мужа от себя или к себе – 3 гривны, – если на суд приведет свидетелей. А если это будет варяг или колбяг [12], то идет к присяге.

10. Если холоп бежит и скроется у варяга или у колбяга, а они его в течение трех дней не выведут, а обнаружат на третий день, то господину отобрать своего холопа, а 3 гривны за обиду.

11. Если кто поедет на чужом коне без спросу, то уплатить 3 гривны.

12. Если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду, а владелец опознает пропавшее в своей общине, то ему взять свое, а 3 гривны за обиду.

13. Если кто опознает у кого-либо (свою пропавшую вещь), то ее не берет, не говори ему – это мое, но скажи ему так: пойди на свод, где ты ее взял. Если тот не пойдет, то пусть (представит) поручителя в течение 5 дней.

14. Если кто будет взыскивать с другого деньги, а тот станет отказываться, то идти ему на суд 12 человек. И если он, обманывая, не отдавал, то истцу можно (взять) свои деньги, а за обиду 3 гривны.

15. Если кто, опознав холопа, захочет его взять, то господину холопа вести к тому, у кого холоп был куплен, а тот пусть ведет к другому продавцу, и когда дойдет до третьего, то скажи третьему: отдай мне своего холопа, а ты ищи своих денег при свидетеле.

16. Если холоп ударит свободного мужа и убежит в хоромы своего господина и тот начнет его не выдавать, то холопа взять – и господин платит за него 12 гривен, а затем, где холопа застанет тот ударенный человек, пусть бьет его.

17. А если кто сломает копье, щит или испортит одежду, и испортивший захочет удержать у себя, то взять с него деньгами; а если тот, кто испортил, начнет настаивать (на возвращении испорченной вещи), платить

деньгами, сколько стоит вещь…

Понятно, что «Русская Правда» отражала и фиксировала реальную жизнь XI – XII веков, но присмотришься – увидишь много знакомого по современности…

Было на Руси и церковное законодательство, извлечения из византийского, включавшее не только нормы, регламентирующие положение служителей церкви, но и нормы, регулирующие положение семьи, наследование (семейное право тогда находилось в юрисдикции христианского епископа).

Одновременно был переведен Закон градский – византийская «Книга эпарха» (эпарх – градоправитель Константинополя).

Нормы церковно-семейного права и Закон градский, составившие книгу «Мерило праведное», вместе с «Русской Правдой» с начала XII века оказались в положении неизменяемых законов, т. е. в некотором смысле играли роль конституции. И так продолжалось почти четыре века, в течение которых законодательствовать в пределах всей Владимирской Руси стало некому, хотя различные земли свои грамоты издавали (была составлена Новгородская судная грамота, Псковская судная грамота, некоторые князья издавали отдельные небольшие уставы). В это время связи между землями совсем ослабли. Наступил период глубочайшей раздробленности, вызванный вторжениями как с Запада, так и с Востока (с одной стороны немцев, венгров, поляков, с другой – Орды).

Следующим общерусским кодексом стал Судебник Ивана III (основателя единой Российской державы), который был издан в 1497 году. По сути дела, этим Судебником и закончилось создание исторической России. Но и при его подготовке «Русскую Правду» вместе с «Мерилом праведным» законодатели рассматривали как некий источник правоспособности. Эти законы уже никто не считал себя вправе изменять или дополнять. Такое же отношение к ним сохранилось при подготовке исправленного судебника, названного Судебником Ивана IV (1550 год), и «Утвержденной грамоты» Земского собора 1613 года.

Власть династии Романовых была признана легитимной, то есть законной. Документ закладывал представление о русском государстве как об империи – монархическом государстве во главе с самодержавным, не ограниченным никакой земной властью царем. Укрепление власти Романовых и российской государственности, развитие России как правового государства происходило при сыне Михаила Федоровича (первого Романова) – Алексее, прозванном Тишайшим. Одной из важнейших реформ эпохи стало Соборное Уложение 1649 года, в составлении

которого царь принял самое непосредственное участие.

Самыми важными из новых законоположений можно назвать следующие:

1) духовенство было лишено права впредь приобретать себе земли, потеряло некоторые судебные льготы;

2) бояре и духовенство потеряли право селить около городов, в слободах, своих крестьян и холопов и принимать к себе закладчиков[13];

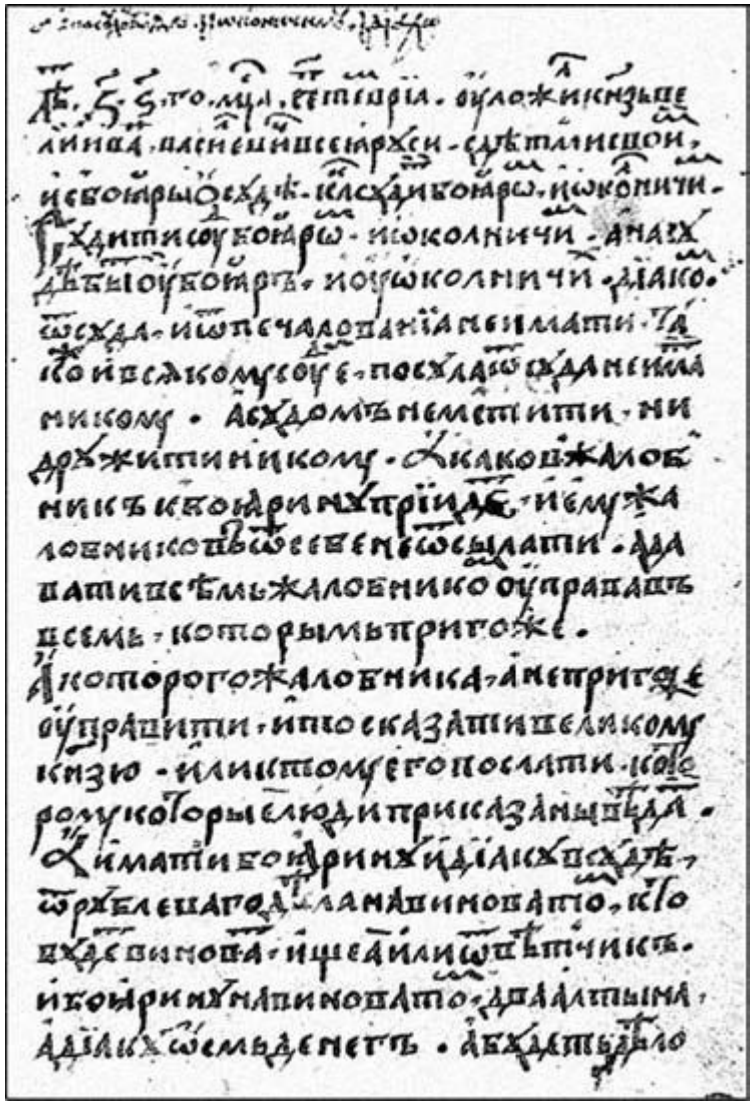
3) посадские общины получили право возвращать всех ушедших от них закладчиков и удалять из посадов всех не принадлежащих к общинам людей;

4) дворяне получили право искать своих беглых крестьян без «урочных лет»;

5) купцы добились запрета на торговлю иноземцев внутри Московского государства. Исключением был Архангельск.

Можно заметить, что все постановления Уложения сделаны в пользу служилых людей (дворян) и посадских (горожан), а высшая аристократия – бояре и духовенство – были лишены некоторых льгот: царь делал ставку на служилых людей. Боярская Дума потеряла свое значение: царь привлекал к правлению способных, а не родовитых людей. Опорой государя стала бюрократия. Госаппарат вырос за 50 лет (1640–1690 гг.) в три раза. Появились административные органы – приказы: Стрелецкий, Казачий, Рейтарский, Хлебный, Монастырский, Счетных дел, Литовский, Приказ тайных дел.

Москва XVII века не только добилась большого приращения территории, но посредством законченного развития самодержавия, полного установления крепостничества и кодификации[14] 1648 года определила на очень долгое время дальнейший путь развития России. Медленно, но верно развивалось общество, и вместе с ним шаг за шагом развивалось и законодательство. Пришла другая пора.



Судебник 1497 года. Лист из рукописной книги конца XV – начала XVI вв.

Государство – это Я

Исторически во многих монархиях источником закона считался монарх, даже если закон вырабатывался коллегиально или социально, в результате серьезного общественного обсуждения. Разумные монархи предпочитали избегать единоличного решения – ответственность за то, чтобы закон был конституционен (т. е. не нарушал устоев общества, культурных и социальных традиций), лежала на монархе. Он в определенном смысле заменял собой конституцию.

Когда Русь и Европа переживали эпоху абсолютизма, многие монархи изучали труд Никколо Макиавелли «Государь», в котором были даны верноподданнические советы по управлению государством:

> «Завоеванное и унаследованное владения могут принадлежать либо к одной стране и иметь один язык, либо к разным странам и иметь разные языки. В первом случае удержать завоеванное нетрудно, в особенности если новые подданные и раньше не знали свободы. Чтобы упрочить над ними власть, достаточно искоренить род прежнего государя, ибо при общности обычаев и сохранении старых порядков ни от чего другого не может произойти беспокойства. Так, мы знаем, обстояло дело в Бретани, Бургундии, Нормандии и Гаскони, которые давно вошли в состав Франции; правда, языки их несколько различаются, но благодаря сходству обычаев они мирно уживаются друг с другом. В подобных случаях завоевателю следует принять лишь две меры предосторожности: во-первых, проследить за тем, чтобы род прежнего государя был искоренен, во-вторых, сохранить прежние законы и подати – тогда завоеванные земли в кратчайшее время сольются в одно целое с исконным государством завоевателя.
>
> Но если завоеванная страна отличается от унаследованной по языку, обычаям и порядкам, то тут удержать власть поистине трудно, тут требуется и большая удача, и большое искусство. И одно из самых

верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство. Такая мера упрочит и обезопасит завоевание – именно так поступил с Грецией турецкий султан, который, как бы ни старался, не удержал бы Грецию в своей власти, если бы не перенес туда свою столицу. Ибо, только живя в стране, можно заметить начинающуюся смуту и своевременно ее пресечь, иначе узнаешь о ней тогда, когда она зайдет так далеко, что поздно будет принимать меры. Обосновавшись в завоеванной стране, государь, кроме того, избавит ее от грабежа чиновников, ибо подданные получат возможность прямо взывать к суду государя – что даст послушным больше поводов любить его, а непослушным – бояться. И если кто-нибудь из соседей замышлял нападение, то теперь он проявит большую осторожность, так что государь едва ли лишится завоеванной страны, если переселится туда на жительство.

Другое отличное средство – учредить в одном-двух местах колонии, связующие новые земли с государством завоевателя. Кроме этой есть лишь одна возможность – разместить в стране значительное количество кавалерии и пехоты. Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоят государю, и разоряют они лишь тех жителей, чьи поля и жилища отходят новым поселенцам, то есть горстку людей, которые, обеднев и рассеявшись по стране, никак не смогут повредить государю; все же прочие останутся в стороне и поэтому скоро успокоятся, да, кроме того, побоятся, оказав непослушание, разделить участь разоренных соседей. Так что колонии дешево обходятся государю, верно ему служат и разоряют лишь немногих жителей, которые, оказавшись в бедности и рассеянии, не смогут повредить государю. По каковому поводу уместно заметить, что людей следует либо изласкать, либо изничтожать, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое – не может; из чего следует, что наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести. Если же вместо колоний поставить в стране войско, то содержание его обойдется гораздо дороже и поглотит все доходы от нового государства, вследствие чего приобретение обернется убытком; к тому же от этого пострадает гораздо больше людей, так как постои войска обременяют всё население, отчего каждый, испытывая тяготы, становится врагом государю,

а такие враги могут ему повредить, ибо хотя они и побеждены, но остаются у себя дома. Итак, с какой стороны ни взгляни, содержание подобного гарнизона вредно, тогда как учреждение колоний полезно.

В чужой по обычаям и языку стране завоевателю следует также сделаться главой и защитником более слабых соседей и постараться ослабить сильных, а кроме того, следить за тем, чтобы в страну как-нибудь не проник чужеземный правитель, не уступающий ему силой…»

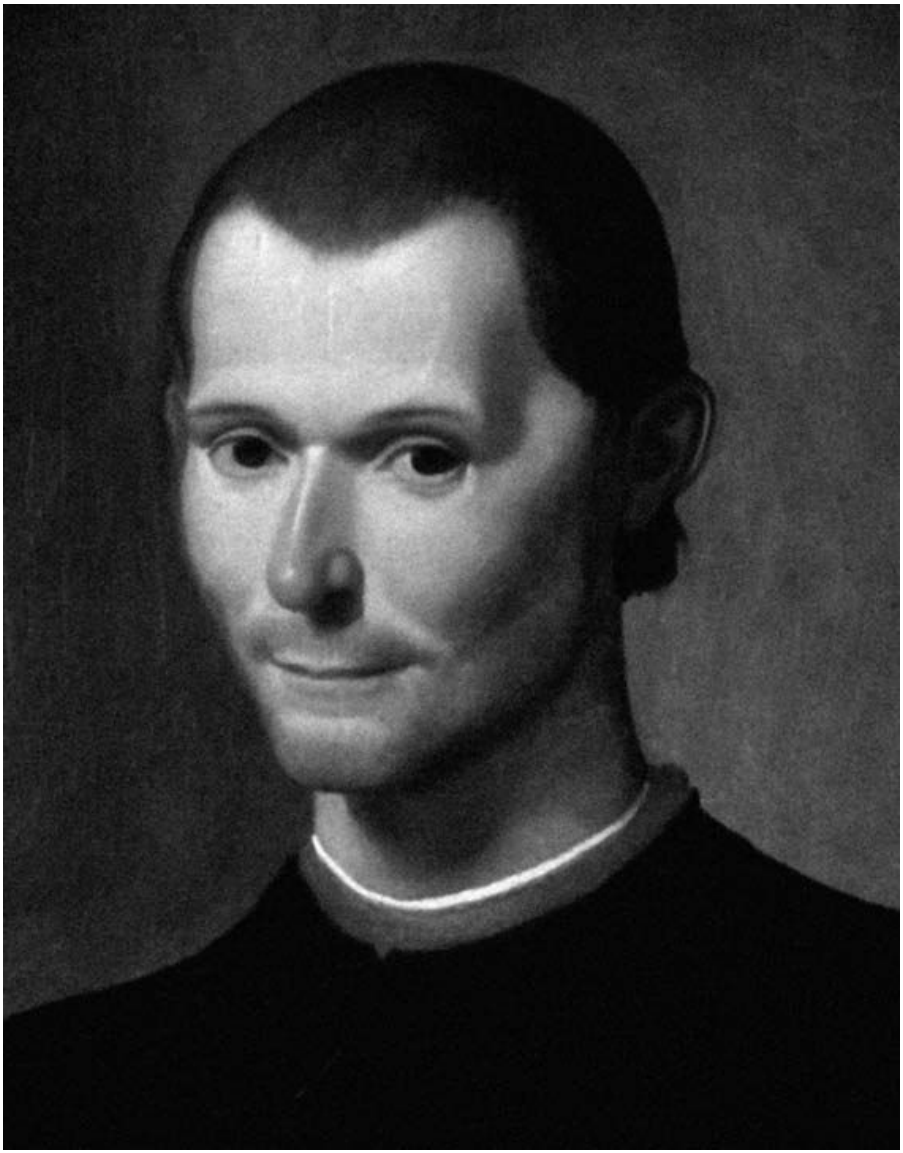
Опять «право сильного», завоевания, укрепление и сохранение власти любой ценой. И цену эту устанавливал Государь, как и размеры налогов, податей в казну. За счет покоренных.

Идеальное государство, по Макиавелли, населено дисциплинированными слабыми людьми. Управленческий принцип звучал так: «Разделяй и властвуй!» Сколько раз этот лозунг будет звучать в колониях Соединенного Королевства и Франции, когда британские кольдстримы[15] и французские зуавы[16] «умиротворяли» нецивилизованные племена…

Вернемся и мы в прошлое, читатель! Вот почтенные родители твои, утирая слезы радости, въезжают в новую квартиру, беспрестанно тормошат тебя, то и дело восклицая: «Посмотри, какой чудный вид из этого окна! Какие прекрасные комнаты, – таких комнат ты и не видывал прежде! Ах, как заживем мы здесь все вместе на свободе!» Знали бы они, какие думы омрачали твое существование, как страдал ты от безвозвратной потери, перед которой совершенно меркли квадратики новехонького паркета и высокие, и впрямь бы ослепившие тебя в другое время потолки… Двор, твой старый, милый двор, в котором знакомо всё до последней, самой маленькой трещинки в асфальте, в котором остались друзья-приятели, облупившиеся физиономии подъездов, в котором всё было понятно, а самое главное, – место твое в дворовой табели о рангах – уж никак не ниже статского советника. «Что же теперь? – тоскливо посматривая в окно, думал ты. – Как всё сложится на новом месте?..»

Через месяц – помнишь ли? – через месяц всё вернулось на круги своя: одному, что посильнее и покрепче, на день рождения щенка подарил (ну очень паренек хотел), другому – кассету «Pink Floyd», третьего

прижал в углу пару раз и объяснил на доступном языке, что он с ролью задрипанного коллежского регистраторишки справится гораздо лучше, чем ты. Правда жизни дворовой знает много секретных ходов и лазеек, и не всегда она ходит по тротуару, бодро и заносчиво постукивая каблучками…



Никколо Макиавелли (1469–1527) – итальянский философ, писатель, политический деятель

В IX главе – «О гражданском единовластии» – Макиавелли переходит «к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан – для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость». Автор считает своим долгом напомнить своему сюзерену, «что такого рода единовластие – его можно назвать гражданским – учреждается по требованию либо знати, либо народа. Ибо нет города, где не обособились два эти начала: знать желает подчинять и угнетать народ, народ не желает находиться в подчинении и угнетении; столкновение же этих начал разрешается трояко: либо единовластием, либо беззаконием, либо свободой…»

Давай и мы с тобой, читатель, прогуляемся по «веселой Италии», взглянем на колыбель цивилизации, в которой пухлощекий младенец без устали душит мерзких гадов, не зная страха перед ядовитыми их зубами, как душил когда-то змей крошка Геракл (ты ведь помнишь о подвигах Геракла?), взглянем на прекраснейшие города-республики, на владетельных синьоров в пышных одеждах, под которыми так умело прячут они набитый цехинами и дукатами кошель, склянку с ядом или кинжал для зазевавшегося мечтательного соседа…

Возрождение в Италии – это не только прекрасные полотна великих мастеров и великолепные дворцы. В те времена цена человеческой жизни по-прежнему оставалась ничтожной. Золотых дел мастер Бенвенуто Челлини, например, не задумываясь, применял яд. Бежал из Италии и скрывался во Франции. Оказывается, «гений и злодейство» совместимы!? Время такое было…

Единовластие учреждается либо знатью, либо народом, в зависимости от того, кому первому представится удобный случай.

Знать, видя, что она не может противостоять народу, возвышает кого-нибудь из своих и провозглашает его государем, чтобы за его спиной утолить свои вожделения. Так же и народ, видя, что он не может сопротивляться знати, возвышает кого-либо одного, чтобы в его власти обрести для себя защиту. Поэтому тому, кто приходит к власти с помощью знати, труднее удержать власть, чем тому, кого привел к власти народ, так как если государь окружен знатью, которая почитает себя ему равной, он не может ни приказывать, ни иметь независимый образ действий. Тогда как тот, кого привел к власти народ, правит один и вокруг него нет никого или почти никого, кто не желал бы ему повиноваться. Кроме того, нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворять притязания знати, но можно – требования народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным. Сверх того, с враждебным народом ничего нельзя поделать, ибо он многочислен, а со знатью – можно, ибо она малочисленна. Народ, на худой конец, отвернется от государя, тогда как от враждебной знати можно ждать не только того, что она отвернется от государя, но даже пойдет против него, ибо она дальновидней, хитрее, загодя ищет путей к спасению и заискивает перед тем, кто сильнее. И еще добавлю, что государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его право карать и миловать, приближать или подвергать опале… С людьми знатными надлежит поступать так, как поступают они. С их же стороны возможны два образа действий: либо они показывают, что готовы разделить судьбу государя, либо нет. Первых, если они не корыстны, надо почитать и ласкать, что до вторых, то здесь следует различать два рода побуждений. Если эти люди ведут себя таким образом по малодушию и природному отсутствию решимости, ими следует воспользоваться, в особенности теми, кто сведущ в каком-либо деле. Если же они ведут себя так умышленно, из честолюбия, то это означает, что они думают о себе больше, нежели о государе. И тогда их надо остерегаться и бояться не меньше, чем явных противников, ибо в трудное время они всегда помогут погубить государя.

Так что если государь пришел к власти с помощью народа, он должен стараться удержать его дружбу, что

совсем не трудно, ибо народ требует только, чтобы его не угнетали. Но если государя привела к власти знать наперекор народу, то первый его долг – заручиться дружбой народа, что опять-таки нетрудно сделать, если взять народ под свою защиту. Люди же таковы, что, видя добро со стороны тех, от кого ждали зла, особенно привязываются к благодетелям, поэтому народ еще больше расположится к государю, чем если бы сам привел его к власти. Заручиться же поддержкой народа можно разными способами, которых я обсуждать не стану, так как они меняются от случая к случаю и не могут быть подведены под какое-либо определенное правило…

Государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут. Набид, правитель Спарты, выдержал осаду со стороны всей Греции и победоносного римского войска и отстоял власть и отечество; между тем с приближением опасности ему пришлось устранить всего несколько лиц, тогда как если бы он враждовал со всем народом, он не мог бы ограничиться столь малым. И пусть мне не возражают на это расхожей поговоркой, что, мол, на народ надеяться – что на песке строить. Поговорка верна, когда речь идет о простом гражданине, который, опираясь на народ, тешит себя надеждой, что народ его вызволит, если он попадет в руки врагов или магистрата. Тут и в самом деле можно обмануться… Но если в народе ищет опоры государь, который не просит, а приказывает, к тому же бесстрашен, не падает духом в несчастье, не упускает нужных приготовлений для обороны и умеет распоряжениями своими и мужеством вселить бодрость в тех, кто его окружает, он никогда не обманется в народе и убедится в прочности подобной опоры. Обычно в таких случаях власть государя оказывается под угрозой при переходе от гражданского строя к абсолютному – так как государи правят либо посредством магистрата, либо единолично. В первом случае положение государя слабее и уязвимее, ибо он всецело зависит от воли граждан, из которых состоит магистрат, они же могут лишить его власти в любое, а тем более в трудное, время, то есть могут либо выступить против него, либо уклониться от выполнения его распоряжений. И тут, перед лицом опасности, поздно присваивать себе абсолютную власть, так как граждане и подданные, привыкнув исполнять

распоряжения магистрата, не станут в трудных обстоятельствах подчиняться приказаниям государя. Оттого-то в тяжелое время у государя всегда будет недостаток в надежных людях, ибо нельзя верить тому, что видишь в спокойное время, когда граждане нуждаются в государстве: тут каждый спешит с посулами, каждый, благо смерть далеко, изъявляет готовность пожертвовать жизнью за государя, но когда государство в трудное время испытывает нужду в своих гражданах, их объявляется немного. И подобная проверка тем опасней, что она бывает лишь однажды. Поэтому мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, – только тогда он сможет положиться на их верность…»

Каково же было твое удивление, любезный читатель, когда обнаруживалось, что щедрые дары не всегда приводили к желаемому, и не отворялись заветные двери, не виляли дружелюбно хвостами дворовые собаки, даже рыжий отпетый котяра, совсем еще недавно приветливо улыбавшийся, косился недобро, фыркал и задирал хвост, и отворачивался вдруг тот, что посильнее да покрепче, и другой воротил нос свой от кассет твоих (о ужас! – не спасал и «Nazareth»), и коллежский регистратор с большим удовольствием и за милую душу регистрировал полное твое поражение и унижение!..

«Основой власти во всех государствах – как унаследованных, так смешанных и новых, – служат хорошие законы и хорошее войско. Но хороших законов не бывает там, где нет хорошего войска, и наоборот, где есть хорошее войско, там хороши и законы» – вот в чем секрет! – воскликнул было читатель и погрузился в задумчивость.

Подумать, действительно, есть над чем… даже (или особенно?) сегодня…

Задумчивость читателя, слава богу, продолжалась недолго, ибо растекшийся на всю ивановскую упоительный аромат жаренного в малороссийском масле ядреного лука и умопомрачительных шкварок из самого лучшего, конечно, тоже малороссийского сала, что вчера еще нагуливало бока на зеленых лужайках и полеживало в меотийских развернутых хлябях необъятных

просторов известной нам земли, потянул, потащил, пребольно ухватив за нос, на кухню, где, как известно, каждый сам себе господин, где можно отрешиться наконец от пустого философствования, от проклятой метафизики и, напевая что-то вроде «дом мой, крепость моя!», предаться в тайне от всех греху чревоугодия – поистине сладчайшему…

Никколо Макиавелли, статуя у входа в галерею Уффици во Флоренции

Что нам стоит Дом построить!.

В средние века появился на Руси прообраз современного Семейного кодекса – «Домострой» – анонимный памятник русской литературы XVI века, являющийся сборником правил, советов и наставлений по всем направлениям жизни человека и семьи, включая общественные, семейные, хозяйственные и религиозные вопросы.

«Домострой» состоял из 64 глав и 6 разделов:

1) о строении духовном (как веровать);
2) о строении мирском (как царя чтить);
3) об организации семьи (как жить с женами, детьми и домочадцами);
4) об управлении семейным хозяйством (о строении домовном);
5) кулинарные наставления;
6) послание и наказание от отца к сыну.

«Вглядись в беду и страдания, во все их нужды, напои, накорми, согрей, с любовью и чистой совестью приветь» – так наставлял читателей составитель «Домостроя» Сильвестр в самом начале книги, посвященной, казалось бы, ведению домашнего хозяйства. Однако бытовые советы наполнены моралью, будничные хлопоты человека соотнесены с благочестием, совестью и чрезвычайно значительны, так как из них вырастают отношения между семьей и государством.

И здесь всё тот же культ силы, даже в семье: муж и жена должны обо всем советоваться, должен муж жену наставлять, но ежели жена советам не внемлет, если бесхозяйственна, ленива, надо ее «наказывать, вразумлять страхом наедине».

И детям доставалось: «Отец да сокрушит ребра сына своего». Мы знаем, что даже в просвещенном девятнадцатом столетии наказания розгами были в большом ходу.

«Глава дома несет моральную ответственность за всех своих чад и домочадцев: за жену, детей, слуг». В этом «Домострой» и видит оправдание строгости: он их «страхом спасает». Спасение человека в духовности, но духовность должна была быть с кулаками. В XX веке у нас в стране прозвучит лозунг: «Железным кулаком загоним в здание счастливого будущего!» – почему-то всегда появляется некто, знающий точно, в чем заключается смысл жизни и что такое счастье.

Андрей Рябушкин. Купеческая семья XVII века

«Домострой» наставлял на путь истинный всех членов семьи. В главе «Как детям отца и мать любить, и беречь, и повиноваться им, и утешать их во всем» можно прочитать:

«Чада, вслушайтесь в заповеди Господни, любите отца своего и мать свою, и слушайте их, и повинуйтесь им в Боге во всем, и старость их чтите, и немощь их и всякую скорбь от всей души на себе понесите, и благо вам будет, и долго пребудете на земле, за то простятся грехи ваши, и Бог вас помилует, и прославят вас люди, и дом ваш благословится навеки, и наследуют сыны сынам вашим, и достигнете старости маститой, в благоденствии дни свои проводя. Если же кто осуждает, или оскорбляет своих родителей, или клянет их, или

ругает, тот перед Богом грешен и проклят людьми; честь же воздающим отцу и матери и повинующимся им в Боге, станут они во всем утешением родителей, и в день печали избавит их Господь Бог, молитву их услышит, и всё, что попросят, подаст им благое; утешающий мать свою волю Божью творит, и угождающий отцу в благости проживет. Вы же, дети, делом и словом угождайте родителям своим во всяком добром замысле, и вас они благословят: отчее благословение дом укрепит, а материнская молитва от напасти избавит. Если же оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчестите их, не укоряйте, и тогда почтут вас и ваши дети; не забывайте труда отца и матери, которые о вас заботились и печалились о вас, покойте старость их и о них заботьтесь, как и они о вас».

Уповая на Бога, на страх перед ним, заботясь ежечасно о пропитании и запасах на зиму, о моченых яблоках и сушеных грибах, сбитне, студне и всяческих взварах, наши предки не забывали о том, о чем забываем сейчас мы – о преемственности поколений:

«А пошлет Бог кому детей – сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром поучении; учить страху Божию и вежливости и всякому порядку, а затем, по детям смотря и по возрасту, их учить рукоделию – мать дочерей и мастерству – отец сыновей; кто в чем способен, какие кому Бог возможности даст; любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а осудив, побить. Наказывай детей в юности – упокоят тебя в старости твоей. И беречь и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах им и ответ держать в день Страшного суда. Так что если дети, лишенные поучений отцов и матерей, в чем согрешат или зло сотворят, то отцам и матерям от Бога грех, а от людей укоризна и насмешка, дому же убыток, а себе

самим скорбь и ущерб, от судей же пеня и позор…»

Ох, как поучали отцы своих неразумных чад, а твоих приятелей-сорванцов в субботу, сходив в первый и последний раз на родительское собрание! Как пусто и тихо было во дворе на следующий день, так тихо, что слышна была пластинка «битлов» из далекого соседнего двора, где ребята учились в другой школе – до собрания там целая счастливая неделя. И ты, бывало, почесывал бока, потирая меж ребер отеческую заботу и материнское участие в филейных частях…

> «Если же у богобоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе Божьем и в добром наставлении и научены всякому разуму, и вежливости, и промыслу, и рукоделию, – такие дети с родителями своими будут Богом помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми восхвалены, а вырастут – добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их дочерях или по Божьей милости своих дочерей за сыновей их выдадут замуж».

Вера в Бога, уважение к старшим, любовь к родителям, послушание, забота о будущем детей…

На чем строится Дом сейчас?

«Новое время – новые песни»

XVIII век… Век Просвещения: расцвет музыки и балета, живописи и архитектуры, математики и астрономии, философии и литературы. Время перехода на новые правила, которые устанавливала буржуазия. И не так, как в комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», – нет: всё было гораздо серьезней. Абсолютизм переживал кризис, аристократия, цеплявшаяся за привилегии «по праву крови», уступала и отступала. 1789-й – год Великой французской революции, лозунг которой – «Свобода! Равенство! Братство!» – вскружил не одну тысячу голов по всей Европе. Вскружил и обезглавил…

Термин «конституция» (от латинского constitutio – установление, строение) встречался в законодательстве Римской империи, выражал он различные установления и указы императоров, получившие значение источников права. В Средние века этим термином выражали привилегии и вольности дворян-феодалов. В закон государства термин введен был впервые в памятном 1789 году. 16-я статья французской «Декларации прав» гласила:

> «Каждое общество, в котором не обеспечена гарантия прав и не установлено разделение власти, не имеет конституции».

Учредительное собрание Франции уже в 1791 году принимает буржуазно-монархическую конституцию, устанавливающую конституционную монархию с одной палатой. Король и министры составляли исполнительную власть, Палата народных представителей – законодательную.

Равенства всех перед законом добиться не удалось.

К первым конституционным актам, отражавшим борьбу буржуазии с абсолютизмом, можно отнести английскую «Петицию о праве» 1628 года; проект «Народного соглашения» 1647 года, требовавший, между прочим, установления демократической республики с всеобщим избирательным правом. Habeas Corpus Act 1679 года и Билль о правах 1689-го легли в

основу Конституции Англии, в которой нет разграничений законов на основные (конституционные) и обыкновенные (текущее законодательство). К слову, сводной Конституции Великобритании нет до сих пор. Как там они, бедные, без нее живут – не понятно, можно только предположить, что великая сила традиций гордых англосаксов не позволяет им пренебречь вечным статусом Альбиона. Ну не хотят британцы признавать, что давно живут в другом государстве!

Не имеет конституции и молодое государство Израиль, которое было образовано в 1948–1949 гг. и является парламентской республикой со слабой президентской властью. Никто не ставит под сомнение демократические и парламентские традиции в этом государстве. Есть причины, по которым конституции в Израиле нет и быть не может. Во-первых, территория государства Израиль образована постановлением ООН, а следовательно, соответствующие акты ООН и есть конституция в смысле учреждения. Во-вторых, основа основ идеологии большинства граждан – территория – подарена богом своему избранному народу примерно 34 века тому назад. В конституции Израиля, получается, просто нет смысла.

Конституция США – результат войны за независимость (1775–1783 гг.). Континентальный конгресс в Филадельфии предложил штатам выработать для себя конституции по примеру Виргинской 1776 года, которой была предпослана «Декларация прав». Она была принята конгрессом двумя годами ранее. Континентальный конгресс торжественно принял «Декларацию независимости», провозглашавшую государственную независимость американских колоний. Сначала и вплоть до XX века государство официально называлось «Соединенные Штаты Северной Америки», потому что, во-первых, нужно было конкретизировать территорию (кое-где не было границ – был Запад, Юг, Север), во-вторых, обозначить отмежевание от метрополии и оставшихся на континенте колоний Англии, Франции и Испании.

> Ничто так не раздражает взрослеющее дитя, как родительские воспоминания – фото-тени твоего детства – ты всегда ребенок: вот ты высунул первый зубик; вот отважно отправился в путь к доселе недостижимому дивану, не замечая, какой груз отягощает ползунки; вот стоишь ты насупившись, потому что «там крапива была». Нет там крапивы и не было! А если и была, то давным-давно вытоптали ее бизоны и растащили ирокезы, гуроны или апачи на курево. Вырос давно уже из ползунков сынок – пора, ой, пора ему на Дикий Запад, в

пампасы, степи, пустыни, каньоны и силиконовые долины.

Когда территория и круг населения исторически сложились, изменилось название государства – Соединенные Штаты Америки. Конституция закрепила республиканский строй. Во главе исполнительной власти был поставлен президент, избираемый на четыре года и наделенный широкими полномочиями. Президент командовал армией, флотом, заключал международные договоры и назначал чиновников. Первым президентом был избран Дж. Вашингтон. Высшим законодательным органом стал Конгресс США. Он состоял из двух палат – нижней (Палаты представителей), избирающейся населением штатов, и верхней (Сената), членов которой избирали (вплоть до 1913 года) парламенты штатов. Палата представителей и Сенат получали равные права в том, что касалось законодательной инициативы и принятия законов. В Сенат выбирали по два представителя от каждого штата. Большие полномочия получил Верховный суд, члены которого назначались президентом. В его задачу входило наблюдение за тем, чтобы законы соответствовали Конституции.

С каким удовольствием выводил ты орфографически не окрепшей рукой на тетрадном листе, линованном «в три косых», замечательные, наделенные неведомой еще тайной власти слова: «лейтенант», «капитан», «майор»! Гордо и не без трепета душевного сообщал ты на том же листке, что наделяется «майор» с твоей почему-то фамилией умопомрачительными, небывалыми полномочиями… Не припомню, соглашались ли с обозначенными правами приятели, или у них были свои «окончательные бумажки»? Где теперь этот белый документ, первый в твоей жизни, а потому самый важный? Какой ветер и в какую землю занес его?

Конституция была дополнена «Биллем о правах», предоставлявшим гражданам свободу слова, собраний и выбора религии и гарантировавшим неприкосновенность личности и жилища. Но многие бедняки, все темнокожие и индейцы, а также женщины избирательного права не получили.

Конституция 1787 года не ликвидировала политической автономии штатов, но сформировала сильную центральную власть. Конфедерация превратилась в федерацию.

Подписание конституции США. За столом – первый президент Джордж Вашингтон

Американская конституция в том виде, в каком она была одобрена в 1787 году конвентом и затем ратифицирована, представляет собой краткий документ. Она состоит из преамбулы и семи статей, из которых только четыре разбиты на разделы.

Основополагающим принципом был провозглашен принцип «разделения властей». Законодательную власть Конституция 1787 года вверяла Конгрессу. Главный законодательный орган страны – Конгресс США – получил право как суверенный законодательный орган отклонять любые предложенные президентом законы, которые он может вносить в палатах. Конституционным средством воздействия президента на Конгресс являлось отлагательное вето, которое могло быть преодолено только в том случае, если билль или резолюция, отвергнутые президентом, будут повторно одобрены двумя третями голосов в обеих палатах.

Третьей властью Соединенных Штатов Конституция называет суд.

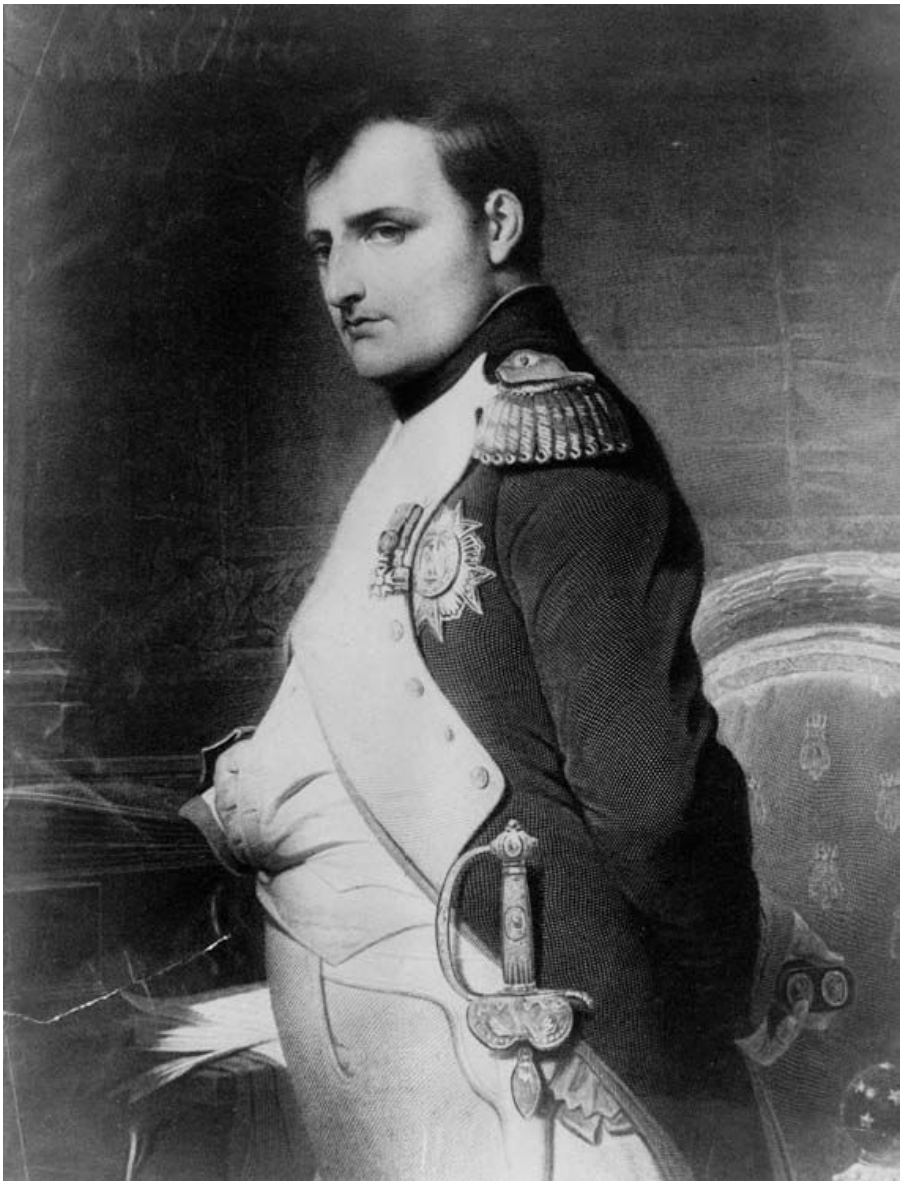
Конституция разрешала правительству федерации военное вмешательство во внутренние дела штатов для подавления актов мятежа и «беспорядков». Вводилось всеобщее избирательное

право, противоречащее интересам рабовладельческого Юга.

Конституция могла вступить в силу не иначе как после ее ратификации (утверждения) штатами (по меньшей мере девятью из тринадцати).

Воздерживаясь от какой-либо регламентации права собственности, Конституция США устанавливает принципиально важное положение: частную собственность нельзя отбирать на общественное употребление без справедливого вознаграждения (пятая поправка). Конституция 1787 года прямо запрещала штатам издавать законы, уничтожающие обязательную силу договоров.

В Европе первые конституции появились во Франции, пережившей с конца XVIII века цикл буржуазных революций (1789–1794, 1830, 1848 гг.) и переменившей целый ряд конституций: Конституция 1791 года; якобинская, наиболее радикальная Конституция 1793-го; «Конституция III года республики» 1795-го (в ней отсутствовало всеобщее избирательное право, исполнительная власть возлагалась на Директорию из пяти членов, в руках которой сосредотачивалась вся фактическая власть). Были еще конституции «республик-дочерей» (Цизальпинская, Лигурийская, Гельветическая), созданных силой французского оружия. В результате государственного переворота 1799 года власть была передана комиссии из трех консулов, первым из которых стал Наполеон Бонапарт. Прежняя конституция была заменена на «Конституцию VIII года» – нужно было срочно закрепить произошедшие изменения. Эта конституция тоже называлась республиканской, но фактически вводила монархический строй. Законы редактировались Государственным советом, обсуждались Трибунатом и утверждались Сенатом. В 1804 году конституция была уничтожена, потому что «гражданин» Наполеон стал императором французов.



Поль Деларош. Портрет Наполеона Бонапарта

В 1814 году на французский трон возвратилась свергнутая революцией династия Бурбонов, и Людовик XVIII «даровал» конституцию, названную «хартией», чтобы избежать революционного термина. Да-да, само слово «конституция» пугало.

Июльская революция 1830 года заменила хартию Людовика новой хартией, отдававшей власть крупной буржуазии и ограничивавшей право короля издавать указы. А в 1848-м была принята Конституция, предоставлявшая президенту (была

провозглашена буржуазная республика) фактическую власть, а Национальному собранию – лишь моральную силу.

Людовик XVIII (1755–1824). Портрет работы Антуана-Жана Гро

Очередной государственный переворот Луи Бонапарта – очередная конституция (1852). Империя Наполеона III пала, как известно, в 1870-м, и после Парижской Коммуны установилась Третья буржуазная республика.

Уф-ф!.. Не утомился ли ты, читатель, мельканием пестрых картин, многочисленных имен и дат? Отдохнем, пожалуй, перед дальней дорогой, присядем и переберем в памяти своей другие картины: как досадовал ты, что не было у тебя того, что появлялось совершенно неожиданно у соседа по парте или приятеля из параллельного класса, – новехонькой джинсовой куртки, телефона, компьютера, да мало ли чего еще; как не давал ты покоя родителям, изводя их слезными просьбами и поминутно канюча «когда же, ну, когда же?»; как хотелось стать вровень и обрести наконец долгожданный статус, чтобы не прослыть отсталым, несовременным, лишенцем и лохом. Боже, как завидовал ты тем приятелям, чьи родители без разговоров, напоминаний и просьб – сами! – опережая мысль о хотении, покупали, приносили, доставали, снабжали и обеспечивали. Говорили (конечно, это были завистники), что ребенок начинает принимать всё как должное, становится равнодушным, но… хотелось непременно «всё сразу и сейчас».

Погоня за конституцией

Конституция – основной закон государственного устройства общества, определяющий участие народных представителей в законодательстве и управлении государством. Это главный официальный документ, «лицо государства».

В XIX веке многие народы круто меняли свои судьбы, появлялись новые и исчезали старые границы, земли перекраивались. Так, из договора между Пруссией и 21 немецким государством и тремя вольными городами выросла конституция Германской империи 1871 года. Через три года была принята союзная буржуазно-демократическая конституция Швейцарии, превратившая это государство в федерацию. В 1876-м была провозглашена конституция Испанской монархии, просуществовавшая почти без изменений до революции 1931 года. Интересно, что круг избирателей в Испании при помощи имущественного ценза был сведен к 6 % взрослого населения. Есть деньги – голосуй, нет – проходи, не задерживайся. Шагом марш на виноградник работать!

В 1879-м появилась конституция Болгарского царства, в 1882-м (обнародована в 1889-м) – Японской монархии, посвященная утверждению неограниченных прав императора и его «божественному происхождению» (что не помешало Японии в эпоху Мэйдзи[17] стать мощным промышленным государством), в 1887-м – основной закон Нидерландского королевства…

В царской России при Александре I попытки конституционного ограничения самодержавия оказались безрезультатными: «План государственного преобразования» Сперанского (1809) и «Государственная Уставная грамота Российской империи» Новосильцева (1818) оказали очень малое влияние на порядок деятельности государственных органов. Свой проект конституции – еще одной «Русской Правды» – вынашивали декабристы, но, как известно, планам их не суждено было осуществиться. До революционных событий XX века у нас никогда не было места конституции как учреждению, ибо Россия, подобно Англии, полагала себя существующей всегда (мы тоже гордые). Но конституция как неизменяемая часть закона у нас была.

О чем идет речь? В России конституция, оформленная вполне в соответствии с нормами конституционных процессов в европейских странах, существовала с 1906 года, когда императором были утверждены в исправленной редакции Основные законы Российской империи, включившие одну норму:

> «Император Всероссийский осуществляет верховную власть совместно с Государственным советом и Государственной думой».

Юристы, в том числе и западноевропейские, никогда не сомневались, что Россия действительно имела конституцию, ибо Основные законы были изданы до манифеста об учреждении Государственной думы, и уже тем самым их источником оказалась монархическая власть, а Дума автоматически лишилась возможности их изменять. Монарх тоже лишился такой возможности, потому что с этого момента мог принимать законы только вместе с Думой. Таким образом, Основные законы Российской империи приобрели функцию конституции в полной мере и стали неизменяемы, тогда как всё остальное текущее законодательство было передано Государственной думе, обладавшей всеми полномочиями, в том числе и полномочиями законодательной инициативы.

Российский император Николай II

Стремясь использовать революционные события 1905 года, либерально настроенные политики из «Союза Освобождения»[18] разработали свой «проект основного закона Российской империи», но так как либерал не знал, по словам Салтыкова-

Щедрина, чего ему хотелось, не то конституции, не то севрюжины с хреном, хорошего в этой затее было немного: Основные законы 1906 года сохраняли в России самодержавие с конституционной пристройкой – Государственной думой.

А у ближних и дальних соседей России в это время происходило вот что: в 1906 году была принята конституция в Иране; тогда же революционный комитет во главе с Сун Ят-сеном [19] принимает временную конституцию Китайской республики; в 1908 году восстановлена конституция в Турции; в 1909-м – принята конституция Швеции. Возникли конституции Эллинского королевства, республиканской Португалии (1911), Датского королевства (1915). Слишком быстро менялась политическая ситуация, слишком высока была революционная волна.

Первая конституция РСФСР была принята на 5 Всероссийском Съезде Советов в июле 1918 года. Чем она отличалась от конституций Германии 1919 года, Польши 1921-го, Латвии, Литвы 1922-го? Совершенно другим отношением к частной собственности.

Однако в Европе распространялись не только коммунистические идеи, но и национал-социалистические, фашистские. «Обновленные» конституции появляются в Польше, Австрии, Италии, Португалии; фактически была отброшена Веймарская конституция 1919 года в гитлеровской Германии (48-я статья этой конституции предоставляла президенту право в случае опасности для государства, определявшейся им самим, приостанавливать действие всех статей конституции).

Демократические начала, отказ от империалистической политики, сокращение армии, запрет на военно-воздушные силы – это Германия двадцатых годов. Многие люди устали от войны, от галопирующей инфляции, от безработицы, от нищеты и разрухи. Многие, но не все… И хотя после окончания Первой мировой войны германскому правительству пришлось выработать конституцию по нормам и правилам стран-победителей – Франции, Великобритании и США, – представьте, что чувствовал и что думал обычный немец после подписания «унизительного мира»[20]: «На поле боя нас не разбили, на территорию Германии не ступил ни один вражеский солдат. Нас предали!..» Униженная, попранная национальная гордость – вот рычаг, который использовали гитлеровцы. Им не нужны были демократические институты, им конституция мешала.

Двадцатые годы были во многом переломными. В сознании

людей Запада укрепилась мысль о долгожданной и окончательной победе демократии над силами зла. На Востоке и в «государствах-изгоях» шли совсем другие процессы: в Италии к власти пришли фашисты, в Германии поднимал голову национал-социализм, в России была принята первая Союзная конституция (1924), ведь появилось новое государство – СССР, а в 1936-м – сталинская конституция, исходившая «из факта ликвидации капиталистического строя, из факта победы социалистического строя в СССР».

Почитаем немного?

> Конституция 1936 года
>
> Статья 5.
>
> Социалистическая собственность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений).
>
> Статья 7.
>
> Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем (именно так в тексте! – Прим. авт.), производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций. Каждый колхозный двор, кроме основного дохода от общественного колхозного хозяйства, имеет в личном пользовании небольшой приусадебный участок земли и в личной собственности подсобное хозяйство на приусадебном участке, жилой дом, продуктивный скот, птицу и мелкий сельскохозяйственный инвентарь – согласно уставу сельскохозяйственной артели.
>
> Статья 10.
>
> Право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления и удобства, равно как право наследования личной собственности граждан – охраняются законом.
>
> Статья 12.
>
> Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу:
>
> «кто не работает, тот не ест». В СССР осуществляется

принцип социализма: «от каждого по его способности, каждому – по его труду».

Статья 127.

Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

Статья 131.

Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

Казалось бы, какая разница между личной и частной собственностью? И никакой пятой поправки не нужно![21] И принципы заявлены справедливые. Только на деле было совсем не так, и врагов народа оказалось слишком много…

Советский плакат

Маленькое лирико-экономическое отступление

Любое изменение в экономической жизни государства так или иначе сопровождалось и сопровождается появлением новых законов. Иногда законодательная деятельность растягивается на долгие годы, как, например, у нас в России: до отмены крепостного права в 1861 году на протяжении десятилетий, начиная с эпохи Александра I и Сперанского, рассматривались различные проекты земельной реформы, рассматривался «крестьянский вопрос». Мало-мальски сведущий чиновник в то время должен был ориентироваться в ста томах законодательных актов.

У Прудона[22] есть такое наблюдение:

> «Государство издает столько законов, сколько отношений между людьми, которые должны быть определены. А так как отношений этих бесчисленное количество, то законодательство должно действовать беспрерывно. Законы, декреты, эдикты, указы, постановления должны сыпаться градом на несчастный народ. Так оно и есть. Во Франции конвент в три года один месяц и четыре дня издал 11 600 законов и декретов; учредительное и законодательное собрание произвели столько же; империя и позднейшие правительства работали столь же успешно. В настоящее время собрание законов содержит их в себе, как говорят, более 50 000; если бы наши законодатели исполняли свой долг, эта огромная цифра скоро удвоилась бы. Думаете ли вы, что народ и само правительство могут сохранить какой-нибудь здравый смысл в этой ужасной путанице?»

Способ ведения хозяйства, который направлен прежде всего на умножение денежного богатства, Аристотель назвал хреманистикой. «Хрема» – имущество, владение. Очень осуждал его Аристотель, считая, что это противоестественно. Томас Ман

(1571–1641)[23] и другие поздние меркантилисты[24] считали, что особое значение для обогащения государства имеет торговля между странами. С цифрами в руках он доказал: вывоз золота и серебра за границу для покупки товаров может быть более выгодным, чем механическое накопление сокровищ. Правда, это достигается лишь в том случае, когда выручка от последующей продажи таких товаров оказывается большей, чем затраты на покупку: покупка товаров за границей лучше, чем банальная кубышка дома.

Многим ближе «laisser faire»[25]. Об этом говорили физиократы[26]. Богатство – это природа, основа благосостояния – сельхозпродукт, натуральный продукт, свой собственный. И вообще, народу лучше знать – что ему делать, а чего не делать.

Французский экономист, основоположник школы физиократов Кенэ считал, что реальная жизнь находится в противоречии с принципами естественного порядка. В обществе сталкиваются два интереса – чисто личный, который можно свести к желанию испытывать наслаждение и избегать страданий, и разумно понимаемый, который учит человека, что, кроме обязанностей перед самим собой и собственных желаний, есть обязанности перед другими людьми и богом. Кенэ уповал на абсолютную власть, которая должна была охранять порядок, основанный на свободном преследовании разумного интереса.

4/7 дохода от земли – в пользу собственника, 1/7 – духовенству, 2/7 – в пользу государства… Даже Адам Смит[27] был весьма впечатлен такими выкладками.

Жаль, что Кенэ свое кино так и не снял, не изобрели еще. А потом появятся совсем другие сценарии, в которых земельные угодья рассматривались как стройплощадка или полигон для отходов.

Коммерциализация всего и вся – данность, которая проверяет закон, даже самый главный, на излом. Как говаривали в давнем детстве, «из последних сил» хочется верить, что главный закон дух не испустит, выстоит, окрепнет и победит.

Жан Франсуа Милле. Сборщицы колосьев

Дух закона

Ах, как скучна и однообразна была бы жизнь наша без запахов! А между тем любой, пусть даже самый непослушный ребенок, едва открыв свои пытливые глазки, удивлялся не только океану цветов и оттенков, названия которых он будет узнавать еще долгие годы, да так все и не узнает, но и другому, еще более обширному и глубокому – океану запахов. Сначала пугливой струйкой материнского молока, затем ручьем отцовского табака и пота, многоводными каналами городских улиц проплывало дитя к тому безбрежному, бескрайнему пространству, что заткнуть ничем, кроме насморка, нет никакой возможности и что не запахнуть, как ношеное, доставшееся от старшего брата пальтецо.

Годы и годы бежали в водоем, зацвели волны, раскрасились зеленью, и резкий, с души воротящий смрад повис над некогда цветущим берегом.

Мы-то с тобой знаем, читатель, что деньги не пахнут, по крайней мере некоторые, что могут они быть длинными и короткими, легкими, бешеными, трудовыми, могут быть девальвированными и деноминированными, левыми, могут и цвет сменить – с черного на серый.

Распространяется ли это многообразие форм, оттенков, объемов, состояний на закон? Интересно, чем пахнет закон? А ведь должен, должен быть запах, необыкновенный, волшебный, вбирающий в себя все другие: повернешь дышло – древесиной повеет, календарь назад полистаешь – кровью и потом, осклизлой ржавчиной резанет, а за французской визой в посольство придешь – фиалкой и розой рассиропит.

Разные бывают запахи – иные неизвестно для кого существуют, то ли для товарищей, которых нет, то ли на случай небывалый – комета вдруг прилетит или метеорит какой свалится…

Представь себя, читатель, стоящим посреди огромного колонного зала со стрельчатыми, как брови бойкой молодицы, окнами; со строгим убранством стенных проемов и ослепительно белым потолком с лепными фигурами, рассмотреть которые никак не можешь. По всему видно, что совсем недавно, может быть, за полчаса до твоего здесь появления, ушли маляры с пустыми ведрами и мокрыми кистями. Вдохни, читатель, и ты почувствуешь с детства знакомый острый и чистый запах не просохшей еще известки. Знай, что так и только так пахнет Конституция…

А следом за тобой в зал непременно войдет другой, третий, а

четвертый уж точно исхитрится достать рукой или темечком до tabula rasa[28] и оставить по себе память – грязное пятно или, если очень повезет, – плевок.

Конституция тела

Покинув колонный зал, окажешься на улице губернского города, украшенной всевозможными вывесками с иноземными словами: «Фитнес»,» «SPA», «Массаж», «Пауэррестлинг», «Бодибилдинг». «Хорошо! – радостно воскликнешь ты и тут же проверишь наличие в бумажнике радужных, зелененьких и красненьких, – как здорово, что теперь под боком, в двух шагах от дома, есть прекрасный тренажерный зал». Ты ведь знаешь, как знает любой житель достославного губернского города N, а уж в Новом Вавилоне и подавно всякой собаке ведомо, что для обретения «чинов известных» и преуспевания в службе надобны усилия и кое-какие затраты.

О-о, ослепительнейшая улыбка на загорелом лице атлета – счастливый билет в безоблачную жизнь, вечный праздник с непременными балами у губернатора или вечеринками у полицеймейстера, с игрой в вист у английского посланника и – лови удачу за хвост! – фотографиями в модных журналах, собственным цирюльником-стилистом, имиджмейкером и кортежем угодливых – да чего там! – готовых на всё подражателей, греющихся в лучах твоей славы.

Тело!.. Оно достойно гимна:

В здоровом теле – здоровый куш!
Тело!.. Не оболочка, не фикция,
Прекраснее райских кущ,
Ты – моя конституция!

Как известно, под конституцией человека понимается индивидуальное своеобразие организма, проявляющееся, в частности, тем, как он реагирует на физиологические и патологические воздействия. Именно «индивидуальное своеобразие» куда-то пропало – всё больше ксероксная красота голливудского стандарта, дюймы и сантиметры. Давно уже появились «иконы стиля» у новой религии – Мадонны и Евангелисты – попдивы и модели. Им подражали, копировали их внешность, как копируют пришедших на смену.

Ученые, говоря о сущности конституции человека, вскрывают корреляции (связи) между строением тела, функциональным состоянием его отдельных систем и возможностью предрасположения к тем или иным болезням, к тому или иному характеру их течения. Изменяя свою внешность, свое «святая

святых» – тело, не утрачивает ли человек собственную неповторимость, не превращается ли в гомункулуса[29]?

Кречмер[30] различал три конституции:

1) тип пикнический (характеризуется сильным развитием внутренних частей тела);

2) тип астенический (характеризуется малыми размерами в ширину при высоком и выше среднего росте);

3) тип атлетический (характеризуется сильным развитием скелета, мускулатуры и кожи, широкими плечами и широкой грудной клеткой).

Внешний облик (habitus) должен довольно ясно выявлять тип телосложения организма. Но не в том случае, когда человек стремится его изменить, усреднить, привести к общему знаменателю. Телу с большой буквы, такой большой, что за ней не видно души.

Конституция души

Нет несчастия хуже того, когда человек начинает бояться истины, чтобы она не обличила его.

Паскаль

Как часто, ты помнишь, читатель, как часто ненавистные прописные истины нарушали твое блаженное бездумье, какими неприятными и опасными казались зазубрины слов о вреде и пользе, труде и ответственности? Как часто находил ты (признаться честно, и я) тысячи причин и отговорок, как часто затыкал уши себе и рты другим, чтобы, не дай бог, не вошло старое заржавленное лезвие в сердце, оставив царапину на белой коже или, что еще хуже, – на душе. Ведь душа-то есть, не всю же ее съели, не всю, разодранную на куски побольше и поменьше, заложили и обменяли, пропили и проели, как давным-давно уже пропили и проели совесть? Или уже «непеременное Я», которым сознает себя и младенец, и взрослый, и старик, стало другим?

Вот похожий на херувима премилый мальчик, впервые столкнувшись с грязью и обманом взрослого мира, прячет в голубых своих глазенках испуг и думает: «Наглость – второе счастье».

Блез Паскаль (1623–1662) – французский математик, механик, физик, литератор и философ. Фронтиспис книги работ Паскаля с портретом автора (1779)

Вот тот же мальчик, давно и сразу потерявший веру в справедливость, выносит вердикт: «Идите вы!.. Всё можно!» А потом, включив телевизор, обнаруживает на десятках каналов разные вариации одной и той же игры: «Сожри ближнего – получишь миллион!» Обнаруживает – и убеждается в собственной правоте. Правоте молодого зверя, по словам Виктора Петровича Астафьева:

> «Ницше и Достоевский почти достали до гнилой утробы человечишки, до того места, где преет, зреет, набирается вони и отращивает клыки спрятавшийся под покровом тонкой человеческой кожи и модных одежд самый жуткий, сам себя пожирающий зверь. А на Руси Великой зверь в человеческом облике бывает не просто зверем, но звериной, и рождается он чаще всего покорностью, безответственностью. Безалаберностью, желанием избранных, точнее, самих себя зачисливших в избранные, жить лучше, сытей ближних своих, выделиться среди них, выщелкнуться, но чаще всего – жить, будто вниз по речке плыть».

И вот уже предъявляет свои права на всё милый мальчик, наплевав на зануд-родителей и какие бы то ни было авторитеты. Веры нет никому и ничему.

> «Бедственное положение … усиливается еще тем, что, так как состояние неверия продолжается уже много времени, сделалось то, что среди людей те из них, которым это положение безверия выгодно, все властвующие классы, либо самым бессовестным образом притворяются, что верят в то, чему не верят и не могут верить, либо, в особенности наиболее развращенные из них ученые, прямо проповедуют, что для людей нашего времени совсем и не нужно ни какого бы то ни было объяснения смысла жизни, веры, ни какого бы то ни

было вытекающего из веры руководства поступков, а что единственный основной закон жизни человеческой есть закон развития и борьбы за существование и что поэтому жизнь людей может и должна быть руководима только похотями и страстями людскими. В этом-то бессознательном неверии народа и сознательном отрицании веры так называемых образованных людей и заключается причина бедствий…»

Лев Николаевич написал это в 2013 году?..

Третий том

Предвосхищая недоуменные возгласы и покручивание пальцем у виска, даже презрительное посвистывание и округлившиеся глаза, хотелось бы вернуть читателя в детство, с тем чтобы вспомнил он свои, конечно же бредовые, как теперь кажется, идеи, в которых не было норм и правил и в которых легко и непринужденно сочеталось несочетаемое, мысль легко скользила по потолку, подобная солнечному зайчику, – попробуй, поймай.

Как просто сказать какую-нибудь гадость, бросить грязный сухой комок в лужу отстоявшейся воды, чтоб замутилась она, заклубилась обидой и горечью, и как сложно подарить – оторвать от себя слово хорошее и доброе!

Николай Васильевич Гоголь писал поэму «Мертвые души» с оглядкой на «Божественную комедию» Данте. Первый том должен был соответствовать «Аду», второй – «Чистилищу», третий – так и не написанный – «Раю». «Нового Иерусалима», «Царства Божьего на земле», «Города Солнца», «Утопии» в реальном мире не нашел и не построил ни Иван Грозный, ни Томас Мор, ни Кампанелла, ни Платон. Не смог написать картину рая и Гоголь.

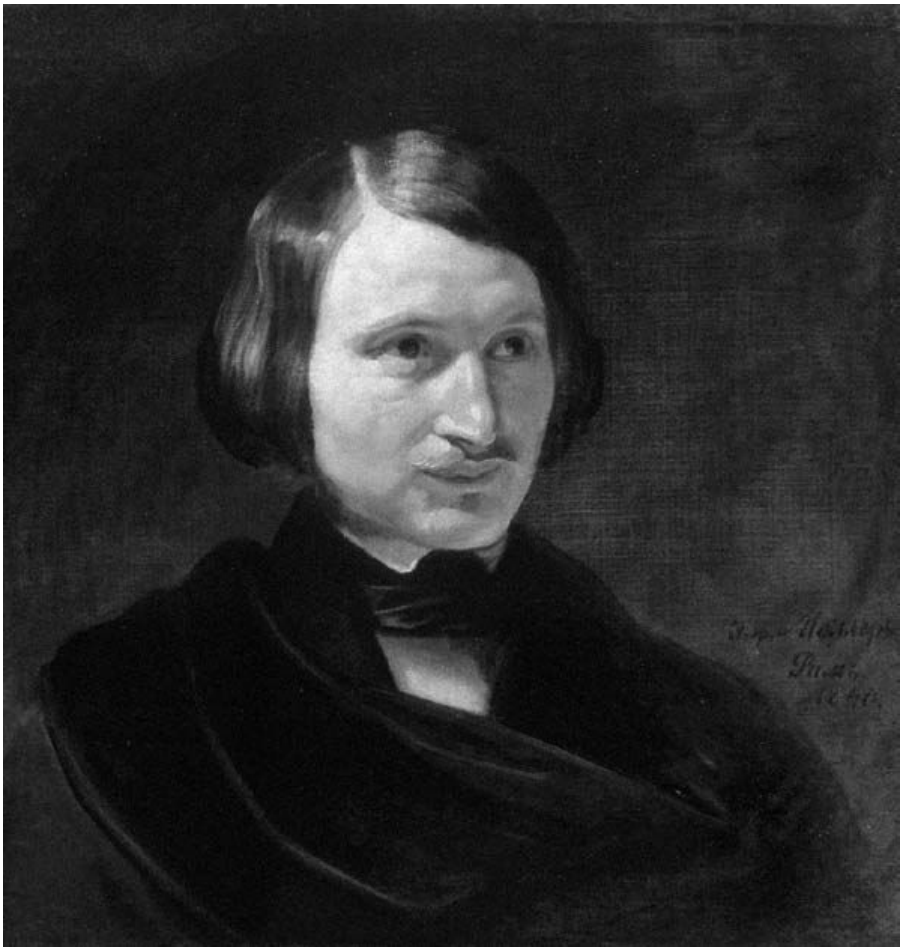
«Гоголь советовал помещикам покинуть большой город, где они попусту разбазаривают свои неверные доходы, и возвратиться на землю, дарованную им Господом, чтобы они стали богаты, как богата плодородная земля. И чтобы сильные веселые крестьяне благодарно трудились под их отеческим присмотром…»[31]

В России ничего не нужно менять, кроме души человека – в этом самая заветная мечта гения. И «споткнулся» он на том самом «категорическом императиве» Канта – нравственном законе, который определяет собой свободу личности. В человеческом сознании императив выражается в формуле: «Ты можешь, потому

что должен». Нравственный долг не может реализоваться в действительности.

> «Поступай так, чтобы всегда уважать человеческое достоинство как в твоем собственном лице, так и в лице всякого другого человека, и чтобы всегда относиться к личности, как к цели, а не только как к средству». «Поступай так, чтобы высший принцип твоей воли одновременно и всегда был бы принципом общего законоположения», – писал Кант.

Как объяснить, что такое «свобода», «обязанность», «долг» и «право»? Как достучаться до живых еще душ?



Фёдор Моллер. Портрет Н.В. Гоголя

Гоголь предполагал, что искусство слова в состоянии преобразить читателя, очистить душу его от скверны греха. Правда, наивно? Может быть, и эти строки из дантевского «Рая» наивны:

Уже нередко дети слезы лили
За грех отца; и люди пусть не ждут,
Что бог покинет герб свой ради лилий!

А эта малая звезда – приют
Тех душ, которые, стяжать желая
Хвалу и честь, несли усердный труд.

И если цель желаний – лишь такая
И верная дорога им чужда,
То к небу луч любви восходит, тая.

Но в том – часть нашей радости, что мзда
Нам по заслугам нашим воздается,
Не меньше и не больше никогда.

И в этом так отрадно познается
Живая Правда, что вовеки взор
К какому-либо злу не обернется.

Различьем звуков гармоничен хор;
Различье высей в нашей жизни ясной —
Гармонией наполнило простор…

Великие всегда искали гармонию. Может быть, именно эти поиски, по всем приметам безрезультатные, и не дают миру рухнуть, а человеку окончательно превратиться в потребителя? Гоголь вечен, как вечны наши беды и радости, язвы и стигматы[32], надежды и разочарования, дураки и дороги. Вечны Пульхерии Ивановны и Мокии Кифовичи, капитаны Копейкины и Чичиковы, потому что сейчас, пусть под другими именами, они живут. Живут в ожидании перерождения к лучшей жизни…

А ведь есть, существует третий том «Мертвых душ»! Недавно читал и даже перечитывал описание рая на земле, где царит мир и порядок, где всё как должно и по-честному. Как мечталось нам в детстве.

Вот он, третий гоголевский том, открываю первую его страницу, читаю:

«Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..»

И еще: «Блажен избравший себе из всех

прекраснейшую страсть; растет и десятерится с каждым часом и минутой безмерное его блаженство и входит он глубже в бесконечный рай своей души…»

«Постой-ка, да ты дурачишь меня, – воскликнет читатель, – ведь это из первого тома!» Прости, читатель, рука дрогнула, как дрогнул голос, когда читал тебе эти строки. Вот та книга, о которой говорил:

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства…

Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории…

Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной…

Все равны перед законом и судом…

Каждому гарантируется свобода мысли и слова…

Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию…»

Чудо как хорошо! Поэзия! Написан третий том и опубликован – читатель, конечно же, узнал, – это Конституция Российской Федерации.

Рай в чемодане

«Хорош у тебя ящик, отец мой…
Чай, в Москве купил его?»

Н.В. Гоголь. «Мертвые души»

«…в самой середине мыльница, за мыльницею шесть-семь узеньких перегородок для бритв; потом квадратные закоулки для песочницы и чернильницы с выдолбленною между ними лодочкой для перьев, сургучей и всего, что подлиннее; потом всякие перегородки с крышечками и без крышечек для того, что покороче, наполненные билетами визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхний ящик со всеми перегородками вынимался, и под ним находилось пространство, занятое кипами бумаг в лист, потом следовал маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки. Он всегда так поспешно выдвигался и задвигался в ту же минуту хозяином, что наверно нельзя сказать, сколько было там денег».

Читатель, конечно, тут же вспомнил замечательный ящик-шкатулку Чичикова и воскликнул: «К чему это, зачем? Разве нельзя обойтись без пространных цитат из всем известной поэмы?»

Можно, пожалуй, но сделано это исключительно по необходимости, так как далее предстанет перед тобою,

любезный читатель, если будет на то твоя воля, будет у тебя желание и немного свободного времени, одна история не история, сказка не сказка – так… побасенка.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был человек один. Не простой человек, а сельский староста. Фамилия его была Гарантийный – у нас на селе еще и не такую встретишь. Многое от него зависело, да не всё: никак с соседями договориться не мог. С одним по рукам ударит, в гости к себе зазовет – другой обижается. С тем, другим, на рыбалку пойдет, дочерям его подарки богатые сделает – опять не ладно: первый нос задирает да сквозь зубы сплевывает, волком смотрит. А еще дальние соседи – заречные – покоя не дают, всё дрова, с превеликим трудом на зиму заготовленные, воруют да скотиной хлеба´ травят. Ну что тут делать! Сел староста за стол, обхватил голову руками и ну думу думать. Долго думал – все сроки вышли – и надумал письмо написать. И не простое письмо, а заказное, и не куда-нибудь, а в Москву. Всё обстоятельно прописал, про беды свои, неуряды с соседями, про потраву, воровство, зависть и злобу людскую.

И года не прошло – скачет по дороге курьерская тройка! Фельдъегерь что твой генерал: усы в аршин, шпорами звенит, саблей пыль метет. Привез короб секретный. Да еще с инструкцией.

Из Москвы пишут: «Друг сердечный, таракан запечный! Ведомы нам твои беды, знаемы. Посылаем тебе с нарочным ларец чудодейственный – чемодан по-научному. Изготовлен мастерами знатными, что в сельце Марфино подмосковном блох подковывают. Открывать чемодан по крайней нужде будешь, когда невмоготу станет. А соседям ближним и дальним объяви, чтоб в губернском городе газету купили да радио сарафанное слушали: мол, Москва слово важное молвит».

Открыл староста чемодан, а в нем красная кнопка. И всё! В уголке еще бумагу гербовую нашел: «Кнопку не нажимать ни в коем разе! С чемодана глаз не спускать! Носить с собой повсюду, на ночь под подушку класть!»

Проверил наощупь – нет ли еще чего? – нашел-таки потайной ящичек. А там еще одна кнопка, и на ней надпись мелкая: «Конституция прямого действия». Про эту кнопку в инструкции уж вовсе мелко, но грозно прописано: «Чтоб комплектацию с отчетностью не нарушать, оставили конструктивные особенности

изделия без изменения. А ты не замай! Сиди, изучай инструкцию для начала. Дальше видно будет».

И присмирели соседи дальние, при встрече улыбаются, но через мост не переходят – красной кнопки опасаются. Ближние и вовсе ближними стали: огороды объединили, на рыбалку – вместе, на покос, понятное дело – одни. С пониманием соседи-то: человеку инструкцию изучать надо. Для начала.

А староста задумываться стал, тосковать – не давала душе покоя проклятая вторая кнопка. По воскресеньям на дальнюю почту ходил с Москвой разговаривать. А оттуда отвечают одно и то ж: «Не морочь голову ни себе, ни нам! Рано еще. Не пришла пора. Инструкцию выучи наизусть слева направо, справа налево и снизу вверх. Для начала».

Через год невмоготу стало. «Нажму, ей-богу, нажму! – не ту, так другую. Ой, нет, нельзя…»

Глядь – тройка летит, и не фельдъегерь в ней – генерал самый настоящий – орел да и только.

«Что, – спрашивает, – устоял? Не нажал кнопку? Молодец! Чтишь закон сам – и другие будут! На-ка вот тебе еще инструкцию, почитай на досуге, изучи. Для начала».

С тем и уехал. А чемодан с кнопкой остался. Так до сих пор староста его и носит. Для Гарантии. До начала.

Начало

Ученик 7«Б» Петраков скучал. Пятый урок всё не заканчивался, у доски что-то мямлили. Мария Николаевна поправляла прическу и вздыхала. Вздыхал и Петраков: телефон разрядился, планшетник «реквизировал» отец… Петраков изнывал. Порывшись в сумке, достал первую попавшуюся книжку, открыл и стал читать.

Бубнеж у доски сменился криком: Мария Николаевна, забыв о прическе, костерила Андрюху Семёнова: «Что ж ты, Семёнов, дураком уродился? Не знаешь элементарных вещей! Амеба ты, а-ме-ба!»

На беду 7 «Б» Марья была классным руководителем. Все знали, сейчас сорвется она на визг, по правилу буравчика.

– Что, Петраков? Чего руку тянешь?

– Ваши действия, Мария Николаевна, неконституционны, – с трудом выговорив, Петраков гордо поднял трехцветную книжку. Запинаясь, прочитал: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления… Никто не должен подвергаться… унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию».

Марья опешила. Андрюха, расправив плечи, оторвался от доски и, пройдя по диагонали кабинет, с чувством пожал Петракову руку: «Спасибо!»

Конституция России. Марка с купоном, 1995

На шестом уроке страшная для учителей книжка лежала на петраковской парте поверх учебника и тетради.

«Никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них», – решительно пошел в атаку Петраков, грозно потрясая чудо-оружием.

На следующий день 7«Б» принимал делегации старших классов. Петраков, поглаживая книжку, обстоятельно и солидно вел беседу со «старшаками». Те решили Петракова охранять, а книжку передавать из класса в класс, пока все не купят.

Через неделю школа сияла. Петракова единодушно выбрали Председателем Конституционного суда школы и наделили чрезвычайными полномочиями. Учителя расшаркивались и робко пожимали начальственную руку. В коридорах свистел ветер справедливости. Запахло майским триколором. Хотелось салютовать и совершать подвиги. О двойках забыли.

Прошел месяц. Потянулись ходоки из соседних школ. Интернет обвалился. Петраков выступал с лекциями где-то в провинции. А школа читала. Читала Конституцию.

Послесловие

Может, и нам почитать, подумать. Подумать о времени, в котором живем, о себе во времени.

Многим сегодня хочется, чтобы их уважали, они уже требуют уважения к себе, не уважая других; многим есть что сказать, но нет слушателей – им ведь тоже есть что сказать; многим хочется справедливости, но опять-таки только для себя.

А «для себя» должна быть любимая. Работа. Женщина. Семья. Родина. Так просто и понятно…

В который раз споткнешься о тот самый «категорический императив», упрешься в стену, постоишь и… вдоль и вдаль. Главное, ладонью стены́ касаться – вдруг где скорлупа треснула? А на стене надпись:

> «Каждый человек, исполнив свое земное предназначение к пятидесяти годам, рождается для новой, духовной жизни…»

А если раньше получится? И опять – по стене – вдаль, к закону, самому главному правилу. Если ладонь не отрывать, чувствуешь биение сердца. Одного на всех, общего.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. В кн.: О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990.

2. Брюннер Х. Немецкое законодательство. – М., 1996.

3. Волков И.М. Законы вавилонского царя Хаммураби. – М., 1914.

4. Государственное право Германии // Пер. с немецкого под ред. Б.Н. Топорнина, в 2-х тт. – М.: Институт государства и права РАН, 1994.

5. Домострой. (Серия «Литературные памятники»). – СПб.: Наука, 1994.

6. Ермолаев И.П., Кашафутдинов Р.Г. Свод законов Киевской Руси. – Казань, 1985.

7. Зимин А.А. Правда русская. [Электронный ресурс] http://annales.info/rus/zimin/zimpr_0j.htm

8. Кант И. Основы метафизики нравственности. [Электронный ресурс] http://philosophy.ru/library/kant/omn.html

9. Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. – СПб., 1892–1917.

10. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция № 14. [Электронный ресурс] http://www.magister.msk.ru/library/history/kluchev/kllec14.htm

11. Козлова Е., Кутафин О. Конституционное право России. – М.: Юрист, 1995.

12. Конституция Российской Федерации. – М., 1993.

13. Конституция США. – М.: Юрист, 1995.

14. Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. – М., 1987.

15. Лассаль Ф. О сущности конституции. – М., 1926.

16. Леонов С.В. Рождение Советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. – М., 1997.

17. Маркс К., Энгельс Ф. Положение Англии, английская конституция. Соч., т. 2. – М.-Л., 1985.

18. Маурер Г.Л. Введение в историю общинного, дворового, сельского и городского устройства и публичной власти. – М., 1880.

19. Махнач В. Лекции по истории России. [Электронный ресурс] http://predanie.ru/audio/lekcii/mahnach/

20. Протасов Л.Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. – М., 1997.

21. Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 года. – М., 1984.

Об авторе

Ефремцев Сергей Викторович, учитель высшей категории, преподаватель русского языка и литературы челябинского физико-математического лицея № 31.

Один из авторов книги «Мифы Челябинска» (2010). Автор книг «Бабушка Словесность» (2010), «Тетушка География» (2011), Лауреат конкурса «Рождественский рассказ» (2012).

notes

Примечания

1

Толстой Л.Н. «Путь жизни».

2

Там же.

3

Гай Муций Сцевола – юноша-патриций, легендарный римский герой. По преданию, доказал врагам свою решимость, протянув правую руку в огонь.

4

Герберт Ньютон Кессон – известный британский предприниматель и финансист начала XX века.

5

Лат. Lex talionis – принцип назначения наказания за преступление, согласно которому мера наказания воспроизводит вред, причиненный преступником.

6

Земледелец, платящий за аренду земли долей урожая.

7

Трактат по демонологии, руководство для охоты на ведьм. Написан германскими монахами-инквизиторами Генрихом Крамером и Якобом Шпренгером. Опубликован в 1487 году.

8

Лат. ordalium – суд, приговор; англ. – сакс. ordal – приговор суда. То же, что и «божий суд», суд путем испытания огнем, водой.

9

Грибоедов А.С. Горе от ума.

10

Даль В.И. Толковый словарь.

11

Денежная единица и единица веса. Слиток серебра 200–250 граммов. С XVI века – 10 копеек, гривенник.

12

Представитель народа или социальной группы балтийских славян.

13

Закладчик – тот, кто берет ссуду под заклад имущества.

14

Форма коренной переработки действующих актов. Систематизация законов государства по отдельным отраслям права.

15

От названия города в Шотландии. Гвардейцы Кольдстримского полка.

16

От названия родового объединения племени кабилов – «зуа-зуа» в Северной Африке. Название элитных частей легкой пехоты французской армии.

17

Официальное название периода правления (с 1868 года) японского императора Муцухито. Время социально-экономических преобразований, в результате которых в Японии была ликвидирована феодальная система и образовалось централизованное буржуазное государство.

18

Нелегальное политическое движение начала XX века в России.

19

Китайский революционер, основатель партии Гоминьдан, в 1940 году посмертно получил титул «отца нации».

20

Имеется в виду Версальский мирный договор 1919 года.

21

Речь о Пятой поправке к Конституции США (1789), которая гласит: «Лицо, обвиняемое в совершении преступления, имеет право на надлежащее судебное разбирательство … не должно принуждаться свидетельствовать против себя … отвечать дважды за одно преступление. … Государство не имеет права изымать частную собственность без справедливого вознаграждения».

22

Французский политик, публицист, философ и экономист XIX века.

23

Руководитель Ост-Индской компании и автор книги «Богатство Англии во внешней торговле».

24

Последователи меркантильной школы в экономике.

25

Невмешательство государства в экономику. Экономический принцип неограниченной свободы предпринимательства.

26

Представители экономической школы, исходившей из определяющей роли в экономике земли, сельскохозяйственного производства.

27

Знаменитый шотландский экономист XVIII века, критик меркантилизма. Автор книги «О природе богатства народов», которую читал пушкинский Евгений Онегин.

28

Чистая доска (лат.).

29

Существо, полученное искусственным путем, монстр.

30

Эрнст Кречмер (1888–1964) – немецкий психиатр и психолог, создатель типологии темпераментов на основе особенностей телосложения.

31

В. Набоков. Лекции по русской литературе.

32

Знаки, метки, язвы на тех участках тела, на которых предполагались раны распятого Христа. «Знак Веры» для католиков.